

Союз писателей России

ОСТРОВ

**АНТОЛОГИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ПОЭЗИИ
154 СТИХОТВОРЕНИЯ**

Директор проекта
Сергей Ключников

Редколлегия:
Г. В. Иванов,
В. Ф. Кирюшин,
С. Ю. Ключников,
М. С. Бушуева,
В. М. Костин,
В. О. Назанский,
А. С. Метельков.

Беловодье

Москва, 2019

УДК 821.161.1-1(082)
ББК 84(2=411.2)6-5я43
О-77

Остров : антология новосибирской поэзии : 154 стихотворения / ред. кол. :
Г. В. Иванов [и др.]. М. : Беловодье, 2019. - 208 с. : ил. –
ISBN - 978-5-93454-250-5

Вниманию читателей предлагается первая книга большого литературного проекта «Поэтические огни России», осуществляемого издательством «Беловодье» совместно с Союзом писателей России. Эта серия книг посвящена поэтам каждого из 89 субъектов Российской Федерации, будь то республика, край или автономная область. Первая книга серии представляет антологию избранных стихов новосибирской поэзии (город и область) от второй половины XX века до наших дней. Составители объединили под одной обложкой стихи ярких поэтов самых разных направлений, которые достойным образом входят в большую историю русской поэзии. Авторы сборника – лауреаты всевозможных литературных премий: от Государственной премии РСФСР им. М. Горького (Л. Решетников, СССР) до Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка (В. Іванів).

Читатели, имеющие интерес к подлинной литературе, с удовольствием прочтут произведения талантливых сибирских авторов, сумевших сохранить высокую планку поэтического мастерства, несмотря на все испытания и трудности нашего времени.

УДК 821.161.1-1(082)
ББК 84(2=411.2)6-5я43

Распространение свободное при сохранении
ссылки на автора.

ISBN - 978-5-93454-250-5

© Беловодье, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

От издательства «Беловодье»

Нельзя сказать, что время рынка, цифры и прагматики – очень поэтическое, но в России даже сегодня живёт немало ярких, талантливых поэтов. Если же заглянуть в недалёкое прошлое, например, во вторую половину XX века, то, конечно, мы увидим, что в те годы поэтов было ещё больше. Одни из них получили официальное признание, но не поднялись до уровня высокой поэзии, другие обрели славу заслуженно и реализовали свой талант сполна, кто-то хорошо начал, но сошёл с дистанции, иной остался в тени литературного андеграунда. И сейчас в каждой области, в любом городе России есть и поэты, и люди, по-настоящему любящие поэзию. Но широкий российский читатель этих поэтов не знает, более того, многие, положившие свои души на алтарь поэзии, находятся на грани забвения.

Это, конечно, абсолютно несправедливо.

Назначение поэзии таинственно и непостижимо, но очевидно, что она облагораживает внутренний мир человека и помогает отдельной личности и народу осознать себя. Подъём цивилизаций во все времена – будь то китайская эпоха Тан, золотая елизаветинская пора в Англии или русский XIX век – сопровождался мощным всплеском национального творчества. Поэзия скрепляет нацию порой гораздо сильнее, чем речи политиков или экономические реформы. Но, к сожалению, сегодня она находится вне информационных потоков и внимания СМИ – и на глубинном уровне это, на наш взгляд, серьёзная стратегическая ошибка в культурном развитии страны.

Необходимо поднять престиж поэзии.

В России, как известно, 89 субъектов Федерации, в каждом из которых были, есть и наверняка будут хорошие, талантливые поэты. Любой регион достоин иметь летопись своих поэтических достижений в виде отдельной книги. Нужно, чтобы с книгой, где будут собраны лучшие стихотворения области или города, познакомились не только местные любители литературы, но и все думающие читатели страны. Это даст надежду, что поэзия России будет жива, и вдохновит авторов на создание новых произведений. Мы убеждены, что любой уголок – будь то деревня или город России – прекрасен и достоин воспевания. Именно среди родного пейзажа, вдали от российских или европейских столиц, к поэту приходит высокое вдохновение, и поэтический голос из самого дальнего местечка страны должен быть услышан.

Если вспомнить изречения мудрецов древности о роли слова, а также летописи, наполненную поэзией древнерусскую литературу, те стихотворные шедевры, что стали народными, то мысль о том, что поэзия укрепляет любовь к Родине гораздо сильнее заорганизованных митингов или призывов чиновников, не покажется частным мнением и ещё раз напомнит об основополагающей роли культуры слова.

Московское издательство «Беловодье» совместно с Союзом писателей России начинают большой издательский проект «Поэтические огни России». Он предполагает издание стихов, написанных поэтами каждого из 89 субъектов Российской Федерации, будь то республика, край или автономная область. Хронология каждой книги – от пятидесятих годов прошлого столетия до наших дней. Объём антологии – 100–150 стихотворений, поэт может быть представлен несколькими стихами: от одного-двух до семи стихотворений (не больше). Помимо бумажной версии сборника, изданной тиражом 500 экземпля-

ров, будет и электронный вариант, объём которого может в полтора-два раза превышать печатный. В электронной книге может быть увеличено как количество стихотворений, предлагаемых одним поэтом (до десяти), так и число поэтов. Составлять такие областные антологии мы предлагаем руководителям писательских союзов, местным поэтам, литературным критикам или филологам – то есть людям, хорошо знающим поэзию своего города, области, края.

Считать местным поэтом следует того, кто живёт или жил в данном городе или области не менее десяти лет и оставил значимый литературный след. Этим принципом отбора мы руководствовались при составлении антологии новосибирской поэзии и надеемся, что наши коллеги в других субъектах РФ поступят так же.

Первая книга этой большой серии, «Остров», представляет собой поэтическую антологию Новосибирска и Новосибирской области. Это вполне закономерно в свете как ломоносовского пророчества («Российское могущество будет прирастать Сибирью»), так и в силу великой роли, которую сибирский регион играл в защите страны (Сибирские полки в 1812 и 1941 годах), а также по причине замечательных, пока ещё не до конца осмысленных литературных достижений Новосибирска в литературе в целом и поэзии в частности.

Судьба данной антологии не должна закончиться её изданием в бумажной и электронной версиях. Книга может стать действенным средством возрождения интереса к поэзии в нашей стране. Издательство «Беловодье» совместно с Союзом писателей России, под грифом которого будет выходить вся серия, планирует максимально широкое освещение этого проекта в литературных изданиях (бумажных и сетевых), проведение различных фестивалей, литературных конкурсов, совещаний,

праздников. Здесь многое зависит от активности самих поэтов и инициативы настоящих любителей поэзии в регионах. Только тогда наш проект будет способен повлиять на творческую и духовную атмосферу в стране.

Поэтическая антология новосибирской поэзии составлена не по идеологическим принципам, которые всегда разъединяют людей, а по критериям художественной подлинности. Истинная поэзия, даже если окрашена чувствами горечи или безысходности, на какое-то время овладевшими автором, всё равно возвышает человека. Потому в книге представлены поэты совершенно разных направлений и непохожего мироощущения, но они, на наш взгляд, не отрицают, а дополняют друг друга, составляя единое древо русской поэтической культуры. Надеемся, что собиратели российской поэзии других регионов, которые примут участие в проекте, сохранят этот принцип.

Проект наш не коммерческий по определению. Издательство «Беловодье» предлагает литературным силам регионов присоединиться к этой работе, объединив усилия писательской организации, департамента культуры каждой области, областных и городских библиотек по созданию поэтической летописи России от 50-х годов XX века до наших дней. Только сознательная воля каждого творческого человека и групп людей может вернуть поэзии ту великую роль, которую она всегда играла в нашей стране.

Главный редактор издательства «Беловодье»
Сергей Ключников

*Издатели выражают благодарность Антону Метелькову,
Кристине Кармалите и Владимиру Назанскому за предо-*

ставленные подборки стихов, биографические данные и фотографии, а также авторам фотографий: К. Кармалите, А. Ахавьеву, В. Ковалевичу, К. Скабардиной-Столбинской, С. Одаренко, Н. Перикову.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОСТРОВ

(предисловие составителя)

АНТОЛОГИЯ избранных стихов новосибирских поэтов лишена строгой датировки и хроникальности, тем не менее, семантически и биографически согласуясь со временем: от второй половины XX века до наших дней, – предлагает читателю стихи поэтов разных направлений, яркий и талантливый остров новосибирской поэзии. Сборник представлен в сокращённом (бумажном, «154 стихотворений») и более полном (электронном, «154 стихотворений +») вариантах.

Удивительно богата и разнообразна поэзия Новосибирска: читатели, блуждая по цветущему острову, найдут здесь «официальных» (А. Кухно, А. Плитченко и др.) и «неофициальных» поэтов советского времени: конца 60-х – начала 80-х (И. Овчинников, Ж. Зырянова и др.), 80–90-х гг. XX в. (А. Пименов), авторов, стоявших в стороне и от того, и от другого потока (В. Назанский, В. Светлосанов), а также поэзию 90-х гг. XX в. – начала XXI в. (Ю. Пивоварова, И. Силантьев и др.) и, конечно, стихи молодых новосибирских авторов (С. Васильев, К. Кармалита, В. Красный и др.). Издатели поставили перед собой интересную задачу: представить новосибирскую поэзию во всём её богатом разнообразии, то есть не разъединить, а, наоборот, объединить и собрать под одной обложкой поэтов не просто разных, но порой и творческих антагонистов. Традиционная, тяготеющая к классическому стиху, поэтика (Е. Стюарт) сочетается с образцами, которые относят к концептуализму (Е. Минияров), пронзительная лирика (А. Кухно, А. Денисенко) – с философско-иронической балладностью (А. Пименов), чистой иронией (Д. Рябов), сложной временно́й парадигмой (В. Иванів), поэтикой, близкой обэриутам, постмодернистскими инверсиями и аллюзиями, метафорическими изысками,

авангардистскими экспериментами «чистого языка» и так далее. Здесь и силлаботоника (она превалирует), и верлибр, и «рваная» строфика, и современный раёшный стих.

Взгляд издателей на поэтический новосибирский остров не изнутри, что неминуемо искажило бы картину в сторону одного ракурса восприятия: к примеру, через местный альманах «Речпорт», сетевое окно «Журнального зала» или «Сибирских огней», – а совершенно свободный. Лишён этот взгляд и некой идейной тенденциозности: в сборнике, например, соседствуют оригинальная «теневая» образность П. Матюкова и светлая фольклорность Ю. Бернадского. Понижающему читателю будут весьма интересны как лучшие стихи советского периода (Е. Стюарт, А. Смердова, А. Кухно и других), так и поэтические поиски современных новосибирских поэтов, тяготеющих к авангарду (Е. Миниярова, В. Шатовкина, А. Метелькова и пр.). И, несомненно, он увидит главные тенденции поэтического процесса (авторы антологии расположены соответственно времени их активного творчества, начиная от 60-х гг. XX в. и до сего дня), точно отражённого в поэзии Новосибирска: смена социального вектора на вектор самоуглубления, изменения оформления стиха (часто при сохранении силлаботоники), уход от поэтической ясности в сторону философского и метафорического усложнения, иное самовосприятие поэта, переставшего быть значимой фигурой социума, но одновременное сохранение важных поэтических признаков – исповедальности, лирической рефлексии, образности.

Пожалуй, можно сделать и первые выводы: слишком «серьёзное» отношение признанных советских поэтов к своей социальной роли было чаще помехой для свободного самовыражения, а нередкое ныне отношение к поэзии как к личному и почти более никому не нужному экспериментальному хобби

лишает её глубины, а поэта – той древней профетической тени, которая опережает стихи, а не следует за ними.

В кратких биографических данных поэтов намеренно не указано членство в творческих союзах: в Союз писателей СССР входили признанные авторы старшего поколения, в Союзе писателей России состоят многие из ныне пишущих, некоторые из поэтов принадлежат к иным творческим союзам, есть «свободные художники» или люди других профессий, издавшие не одну книгу стихов, публикующиеся в периодике. Издатели специально не упоминают и лауреатство поэтов антологии. Значительная часть авторов – лауреаты всевозможных литературных премий: от Государственной премии РСФСР им. М. Горького (Л. Решетников, СССР) до Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка (В. Иванів) – пусть читатель воспринимает стихи не через призму литературных премий, а, так сказать, в чистом виде, без эффекта ореола.

Этому «чистому восприятию» поэзии, на наш взгляд, способствует и отсутствие под стихотворениями дат: с одной стороны, не всё, представленное в сборнике, было датировано, с другой – стихи если не умирают, то живут не привязанными к реальному времени написания, а во вневременном пространстве. Именно потому в антологии не отделены ушедшие поэты от ныне здравствующих... Талантливые представители социальной экстравертированной направленности (В. Берязев) или противоположного мироощущения – почти маргинального социального аскетизма (А. Пименов) – существуют в поэзии независимо от фактов биографии и психологической парадигмы, а лишь благодаря ценности ими созданного, способности поэтического текста, преодолев границы замкнутой текстуальности, войти в духовное поле читателя.

Столь же неафосно издатели относятся и к известности поэтов. К примеру: А. Плитченко считался одним из самых известных поэтов второй половины XX века; был очень популярен как бард Н. Шипилов; после преследования за инакомыслие и богоискательство стал известной фигурой в Новосибирске и за его пределами Ю. Ключников, старейший автор из ныне активно пишущих; а И. Овчинникова, чьи стихи ходили в списках, знали очень немногие. Но во вневременном поэтическом пространстве все поэты имеют равные права, ключ к поэтическому бессмертию отнюдь не биографический и не премиальный, не личностно-психологический, а чисто поэтический.

И этот ключ в руках у того редкого читателя, который, возможно, не написав ни одной стихотворной строки, тем не менее способен войти в поэтическое пространство как равный поэту.

Мария Бушуева

ЕЛИЗАВЕТА СТЮАРТ

Русская поэтесса, переводчик, публицист, классик сибирской поэзии Елизавета Константиновна Стюарт (1906–1984), имевшая по отцу шотландские дворянские корни, родилась в Томске. В Новосибирске жила с 1932 года и до конца жизни. В годы Великой Отечественной войны – редактор ТАСС, принимавшая первые боевые сводки.

По характеру Е. К. Стюарт была бескомпромиссным человеком, не боявшимся ни власти, ни критики. Очень любила Сибирь. Принимала активное участие в литературной жизни Новосибирска, открывала молодые таланты.

Автор нескольких книг, вышедших в Новосибирске и Москве, а также многих публикаций в периодике. О себе Елизавета Константиновна говорила: «Я выросла из Бунина – поэта и прозаика».

Поисковые запросы в Интернете подтверждают: стихи Е. Стюарт читают, знают и любят.

Книги: «Второе рождение» (1945), «Путь» (1955), «Одольень-трава» (1958), «Полынь и солнце» (1979) и др.

РОМАНС

Взрывная сила писем старых...
Табак, цветущий под окном...
Негромкий перебор гитары

Её погубит иней на заре...
Они прекрасны! Так они прекрасны,
Что пусть цветёт шиповник в сентябре!..

* * *

Гонят стадо утром ранним
Через сонное село.
На окне цветут герани,
Бьётся бабочка в стекло.
Ходят ходики хромая,
А из рамки на меня
Смотрит важная, немая
Деревенская родня.
Всё как прежде, всё как прежде.
Только места нет надежде –
Одиноко и светло.
Бьётся бабочка в стекло...

НОЧНАЯ БЕРЁЗА

За окном в огороде берёза.
Она заколдована.
Всею тяжёлою кроной
В полночное небо врисована.
Окликают берёзу далёкие поезда.

А на ветке берёзы всегда засыпает звезда.
К ней приходят туманы
Свой белый водить хоровод,
Из глухого бурьяна
К ней шорох несмелый ползёт...

Никого ей не нужно –
Привыкла: одна и одна.
Как глаза ни открою,
Она за окошком видна.
В лунном холоде стынет,
Молчит, словно тайну храня...
Тишина и пустынность.
Ни голоса. Ни огня.
Только молодость где-то
Стоит у сырого плетня –
Ей уже не дождаться меня,
Не дозваться меня.
Чуть увидит рассвет,
Убежит по росе без оглядки,
Узкий маленький след
Мимоходом отгиснув на грядке...
Свежий ветер подует
И листьев качнёт невода,
Расколдует берёзу –
На ветке погаснет звезда.

* * *

Бессонница – нелёгкая наука...
В душе ни звука, за окном ни звука.

Там, за окном, тяжёлые снега.
Но начинается оживать позёмка –
Прозрачная, она шуршит негромко,
Кружится балериною Дега.
А ветер загудит, рассвирепев,
И враз помчатся белые виденья.

Увижу я их взлёты и паденья
Под яростный полуночный напев.
Быть может, и душа рванётся вслед
Безудержному этому движенью,
И в ней начнутся взлёты и паденья,
Пока она не вырвется на свет.

* * *

«Светет тихий...»
Осенний вечер.
Меж стволов золотой закат.
Зажигается лес, как свечи,
У твоих беспечальных врат.
Позабыть бы о прошлом лихе
И не ведать бы новых слёз...
Вечер осени – свете тихий,
Жёлтый пламень твоих берёз.

* * *

Одинокая утка летит над ночным водоёмом.
В маслянистой воде растворился и меркнет закат.
Как сгустившийся мрак, обступив засыпающий омут,
На своё отраженье примолкшие ивы глядят.
Лодка тихо плывёт, чуть заметным теченьем влекома, –
Потемневшую глубину я тревожить не стала веслом...
Одинокая утка летит над ночным водоёмом
И осенние звёзды сбивает усталым крылом.

Представленные стихи были опубликованы в книгах и журналах.

АЛЕКСАНДР СМЕРДОВ

Александр Иванович Смердов (1910–1986) – поэт, переводчик, публицист, издатель, редактор, общественный деятель, фронтовик, собкор «Литературной газеты» в Китае.

Автор поэмы «Пушкинские горы», которую знали многие сибиряки старшего поколения, прошедшие и пережившие Великую Отечественную войну. Всесоюзный музей А. С. Пушкина напечатал в своём пригласительном билете на вечер, посвящённый 25-летию Победы, строки из этого произведения.

А. И. Смердов возглавлял в течение долгих лет (1964–1975) журнал «Сибирские огни» и, радуясь новым талантам, публиковал прозу молодых писателей: Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Шукшина – тогда начинающих прозаиков. При Смердове журнал стал читаемым, очень известным, настоящим символом Новосибирска.

Любя Сибирь, А. И. Смердов много путешествовал и часто занимался переводами: в его поэтическом переложении был ещё в 1940 г. опубликован шорский эпос «Ай-Толай». Сказания были записаны в 1939 г. самим А. Смердовым от шорско-кайчи Морошки (Н. А. Напазакова, 1870–1942).

Книги: «Стихотворения, поэмы, переводы» (1961), «Избранное» (1986) и др.

* * *

Далёкая, если б я мог,
И запахи ночи широкой,
И сладкий кедровый дымок,
И струи певучие Мрасса,
И гул каратагской пурги,
И тысячи звуков и красок
Исхоженной мною тайги,
И синий таинственный камень,
И всё, что найти сумел, –
Я всё бы тебе на память
В походной принёс суме.

* * *

О грибной и ягодной забыв корысти,
В рощице осиновой стою.
Падают оранжевые листья
На седую голову мою.

На лету навеки засыпая,
Наземь опускаются они.
Будто время плавно осыпает
Жизни мною прожитые дни.

На траву поблеклую присяду,
Грустью увядания объят.
Осени моей семидесятой,
Может быть, последний листопад...

Но всему, что найдено, потеряно ль,
Надо ли вести подневный счёт?
Опадёт по осени живое дерево,
А весной листвою снова обрастёт.

Представленные стихи взяты из книг А. Смердова.

ИВАН ВЕТЛУГИН

Иван Матвеевич Ветлугин (Иост) (1921–1999) – поэт, фронтовик, журналист. Публиковался в журналах: «Октябрь», «Смена», «Огонёк», «Сибирский воин», «Сибирские огни».

Поэтические сборники: «В одном направлении» (1950), «В моём городе» (1961), «Бессонница» (1971), «Позднее свидание» (1977), «Долг» (1980) и др.

Ещё безмолвную, сквозную,
степным открытую ветрам,
за фермой рощу молодую
морозец щиплет по утрам.
Еще нет-нет да в ночь неожиданно
озёрной нашей Барабе

зима отчаянным бураном
напомнит гневно о себе.
Но после непроглядной ночи
ручьи опять всюду звенят,
и из готовых к взрыву почек
густой струится аромат.
И в пробудившихся просторах
за ближним ласковым леском
в цилиндрах тракторных моторов
уже рокочет вешний гром.

Представленные стихи были опубликованы на сайте «Литературная карта Новосибирска и Новосибирской области».

ИВАН КРАСНОВ

Иван Георгиевич Краснов (1923–1997) – поэт, фронтовик, военный корреспондент, учитель русского языка и литературы. Был известен своими стихами о войне и душевной открытостью, добротой – слушатели тепло принимали его стихи во время творческих встреч с поэтом, обычно приуроченных к военным датам.

Книги: «Цветы на броне» (1972), «До высоты знаний» (1973), «К Вечному огню» (1975), «Вооружайте доброту» (1983), «Праздник бабки Ульяны» (1986) и др.

У СТАРОГО УЧИТЕЛЯ

Мир сиял, алел и голубел.
И казалось: он такой нарядный
Оттого, что я мундир парадный
Напоказ учителю надел.

Кто из нас о случае таком,
Честно говоря, не грезил с детства?
Я мечтал, в его вступая дом, –
Поскорей до орденов раздеться.

Как я жаждал ослепить его
Солнечным сиянием регалий!
Как терзался втайне оттого,
Что шинель снимать не предлагали!

О, я блеска прятать не хотел.
От смущенья разрумянясь ярко,
Сам себя торжественно раздел,
Бормоча, что в доме очень жарко.

Пять минут продлился мой парад.
А потом... потом столбом нелепым
Стыл я у портретов двух солдат,
У портретов с погребальным крепом.

Парни, не пришедшие с войны,
Знавшие бог весть какие бури,
На меня смотрели со стены,
Испытующе глаза прищуriv.

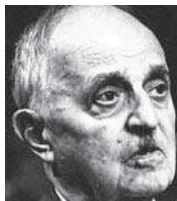
Довоенные мои друзья,
Сверстники, учителей дети...
Как же мог, как смел не вспомнить я,
Что сегодня нету их на свете!

Пусть я в том ничуть не виноват:
Надо мною те же бомбы выли,
И в дивизии не напрокат
Мне созвездье это прицепили...

С той поры, как выйду на парад,
Грусть и боль меня не покидают.

Раньше знал я – ордена звенят.
Нынче слышу – как они рыдают.

Стихи были опубликованы в книгах И. Краснова.

ЮРИЙ МАГАЛИФ

Юрий Михайлович Магалиф (1918–2001) – писатель, поэт, актёр, художник, автор знаменитых сказочных повестей для детей: «Приключения Жакони», «Бибишка – славный дружок», «Приключения генерала Картошкина» и др. Слава к Юрию Михайловичу Магалифу пришла сразу – после того как по радио передали его сказку «Приключения Жакони»: редак-

тору детских передач Ю. Ф. Ольгинской он так и подписал вышедшую вскоре книжку – «Крёстной матери моего Жакони». Сказка переиздавалась много раз, и сейчас дети её с удовольствием читают и перечитывают.

Родился и вырос в культурной семье. Его мать происходила из польского титулованного рода, а по бабушке, певшей в петроградском хоре, Ю. Магалиф имел цыганские корни. До войны учился в Ленинградском театральном вузе, но в апреле 1941 г. он был арестован по 58-й статье, как «политически неблагонадёжный», и через шесть лет, после освобождения, обосновался в Новосибирске, войдя в творческую элиту города. Артист-чтец Новосибирской филармонии, Юрий Михайлович Магалиф открыл для множества людей сокровищницу русской и мировой поэзии.

Поэтические сборники: «Монолог», стихи (1980), «Дальняя дистанция», поэма и стихи (1988), «Просто лирика», стихи (1996).

Моя бабка Федосья Трофимовна
была маленькая цыганка,
щеголяла то в палантинах,
то в пальтишке, как решето...
Говорила хрипло: «Простите,
я – исконная петербурженка,
поэтому выражаюсь твёрдо,
без смягченья – «что», а не «што»...
Моя бабка Федосья Трофимовна
(«Бесподобный Феничкин носик» –
Как писал Алексей Плещеев)
была барышням не в пример:

то драгун ее песни слушал,
то голодный студент-христосик...
Возносило её на галёрку,
опускало её в партер...
Мне от бабки Федосьи Трофимовны
по наследству досталось цыганство:
безразлично, что в изголовье, –
лишь нашлось бы место, где лечь;
и хотя пел я песни многим,
но всегда ценил постоянство;
и хотя обитаю в Сибири,
но люблю ленинградскую речь.
Я, как бабка Федосья Трофимовна,
если вдруг приходится лихо,
говорю: «Ерунда всё это,
дальше «Волкова» не унесут!».
Если счастлив – живу я громко,
а несчастлив – живу я тихо.
И по солнышку начинаю
свой весёлый нелёгкий труд.

Моя бабка Федосья Трофимовна
была маленькая певица –
пела глухо и хрипловато,
но возвышенно и легко!
Озаряет меня её пенье,
как таинственная зарница,
что мелькнула над облаком времени
далеко,
далеко,
далеко...

МОЙ ДОМ ВЫСОКО НАД ДОЛИНОЙ ИНИ

Мой дом высоко над долиной Ини
Текут подо мною зелёные дни.
А нежно-зелёное небо рассвета –
Во всю высоту необъятного лета!
Внизу огородная зелень растёт,
А ниже – на озере ряска цветёт,
А дальше – капустные сизые грядки,
А дальше – рябины растут в беспорядке,
А дальше – земной бесконечный простор
И с ним бесконечный идёт разговор...

Представленные стихи были опубликованы в книгах и журналах.

КАЗИМИР ЛИСОВСКИЙ

Лисовский Казимир Леонидович (Леонардович) (1919–1980) – поэт, прозаик, очеркист, журналист.

Первая публикация – в 1934 году в газете «Красноярский рабочий». Известен был стихами о Сибири. Автор поэмы «Русский человек Бегичев» (о полярном исследователе Ники-

форе Алексеевиче Бегичеве). Перу К. Лисовского принадлежит более четырёх десятков книг стихов, поэм и прозы.

Некоторые из них: «Всегда в пути» (1958), «Твоё молодое лицо» (1963), «Я люблю следопытов» (1966), «Звёзды дальних дорог» (1977), «Гостеприимство» (1979).

В ПУТИ

Где ты найдешь еще такие
Леса, что прячутся во тьму?
Во всем величье Эвенкия
Открылась взору моему.
Круты хребты и сопки хмуры,
Куда ни глянь — снега, снега...
И шкурою медвежьей, бурой,
Кругом раскинулась тайга.
Как далека еще дорога!
Скрип санок легких... Тишина.
И сломанным оленьим рогом
В ветвях запуталась луна.
Так, забыв про отдых, мчимся
Сквозь чащу лиственниц, пока
Жилым дымком гостеприимства
Вдруг не пахнет издалека.
Пока не наведет на думы
О всем, что было и прошло,
Огонь печурки в дымном чуме,
Животворящее тепло.

Стихи были опубликованы в книгах К. Лисовского

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Романов Александр Александрович (1930–2006) – поэт, прозаик, публицист, редактор. Родился в Ленинграде. Во время Великой Отечественной войны ребёнком пережил блокаду. Рано лишился родителей, они были научными работниками, занимались проблемами Крайнего Севера.

Александр Романов, уже в Сибири, получил специальность топографа, работал инспектором геодезической службы г. Новосибирска, потом долгие годы возглавлял отдел поэзии журнала «Сибирские огни».

Поэтические сборники А. Романова: «Ожидание встречи» (1962), «Свет вдаль» (1964), «Лежит между нами река» (1981) и др.

Последний голос прозвучал
и свечка — захлебнулась воском.
Высоких слов глухой причал
пустынным горбится подмостком.

Бог с нею, громкою игрой,
игривой нравственностью мнимой:
расчет на «первый» и «второй»
закончен дробью неделимой.

Изо всего, что быть могло,
цель так увиделась, что даже
пробито Времени крыло.
А на одном крыле — куда же?..

Как лунный лоск на досках нар —
нагар пылавшего банален.
Душа клубится, словно пар,
в ущельях мысленных развалин.

Ощупывая пустоту,
из безнадежного провала
поднять бы хоть вершинку ту,
где тучка, помню, ночевала.

Услышать бы хоть вздох полей,
мечту, которая металась...
Молящийся за нас,
налей
того, что нам еще осталось!

*Стихи опубликованы в журнале « Сибирские огни» № (6,
2010), публикация М.И. Романовой.*

ЛЕОНИД РЕШЕТНИКОВ

Решетников Леонид Васильевич (1920–1990) – поэт, публицист, журналист, фронтовик.

Считался крупным советским поэтом, писавшим на военную тему. С 70-х годов XX века стал тяготеть к философской лирике. Одна из книг Л. Решетникова выходила с предисловием Василия Фёдорова.

Книги: «Походные костры» (1958), «Осенний звездопад» (1975), «Избранное» (1981), «Благодарение» (1982), «Противостояние» (1988), «Верность» (1990) и др.

МЫС ХЕРСОНЕС

Эти древние камни – ровесники звёздной вселенной.
Над зелёной плитой – отгорающих маков огни.
Меж античных колонн и руин половецких селений –
Черепки от горшков или ваз. Но не только они.

В серый порох земли след эпохи сраженьями врезан.
А шаги её грузные – знаем спиной! – не легки.
И растёт из земли, как трава, боевое железо –
Наконечники стрел и новейших винтовок штыки.

Покрываются пылью могильные плиты и склоны.
Рядом с «юнкерсом», сбитым во тьме, проросли камыши.
Сквозь сарматскую кость,
Сквозь могилы солдат Альбиона,
Сквозь мундиры матросов Боскэ и Османа-паши.

Покрываются пылью холмы над полями сражений.
Только жизнь, как земля эта древняя, вечно жива.
Блещут искрами брызги – небесных светил отраженье,
И, на цыпочки встав, поднимается к солнцу трава.

И летит над землёй, против ветра с усилием споря,
Чайка – слабый намёк на сверкнувшую в небе крутом,
Прозвеневшую вдруг красновзвездную птицу над морем
(Словно молнии росчерк. И следом за молнией – гром.

Прогремел и умолк). А у нас ещё есть и не это.
Но молчит до поры, словно врубленный в купол небес,
Как линкор на распутии родной, беспокойной планеты,
Из железа и славы откованный мыс Херсонес.

Стихотворение взято с сайта www.sevastopol.ws

НИНЕЛЬ СОЗИНОВА

Созинова Нинель Ильинична (1931–2006) – поэтесса, преподаватель, редактор.

Училась в НИИГАИК (сейчас – СГУГиТ), окончила Литературный институт имени М. Горького.

Мужем Н. Созиновой был советский сибирский поэт Леонид Чикин (1927–1994), который в течение нескольких лет руководил Новосибирской писательской организацией.

Доверительные стихи Н. Созиновой любили многие женщины-читательницы.

Автор нескольких сборников стихов: «Родничок» (1962), «Берега» (1966), «Старое русло» (1970), «Ещё не горели осины» (1974), «Избранное» (2005) и др.

БАНАЛЬНЫЙ СОНЕТ

Когда о жизни знаешь всё давно
и блажь мечтаний больше
не дурманит,
грядущее – как некогда –
не манит:
оно неотвратимо и темно.
Но всё о жизни ведать не дано,
и даже самый смысл её
туманен.

Лишь чувствуешь: он должен быть гуманен.
Но истины не вызнать всё
равно.
Зачем, взойдя, живём не как
трава? –
Взыскуем, любим, мучаем,
страдаем,
дерзаем дух преобразить в слова
и музыку и храмы создаем.
Мы обживаем этот свет,
как Боги!
Чтоб как трава уйти во прах
в итоге?..

*Стихотворение было опубликовано в журнале «Сибирские
огни».*

АЛЕКСАНДР КУХНО

Александр Антонович Кухно (1932–1978) – поэт, признанный сибирский лирик. Окончил Литературный институт имени М. Горького.

Автор поэмы «Море», посвящённой узникам лагерей системы ГУЛАГ.

О стихах молодого А. Кухно хорошо отзывались Михаил Светлов, Вероника Тушнова, Николай Асеев. Альберт Лиханов писал: «Таилось в нём что-то есенинское... Голубоглазый, светло-русый».

Книги: «Незабудок брызги синие» (1958), «Ранимость» (1965), «Берёзовые колки» (1967), «Зимушка» (1974), «Вашей учусь любви» (1992, сост. О. М. Кухно) и др.

Илье Лаврову

Ах, какие у нас метели
нынче выпали в январе –
белы лебеди налетели,
белы лебеди на дворе!

Видишь, на воду стая падает
и, взлетая, крылами бьёт?..
Захмелевшую душу радует
лебедей бесконечный взлёт.

Хоть на все на четыре стороны
я пошёл бы с тобой вдвоём.
Птицы-лебеди, а не вороны,
вечно жили в сердце моём!

Только нету со мной приятеля.
И подружка не дружит со мной.
Только лебеди, словно спятили,
забуранили шар земной.

Ой вы, белые, птицы гордые,
птицы ласковые, до чего ж
хорошо прошагать по городу
под крылатую вашу дрожь!..

Будто в северном море далёком
золотистые льдины снуют –
разгораются двести окон,
приближается мой уют.

Как гитара – мой дом панельный
разгуделся от песен и драк.
Жить, конечно, нельзя отдельно,
и почти невозможно – вот так...

Мне вовек в этот быт не взглядеться.
Только трону подъездную дверь –
птица-лебедь уходит из сердца...
Что же делать, скажи мне, теперь?..

Я не знаю, в сугробах ли, в небе ли
лебединую песнь различу...
Налетайте, сшибайтесь, лебеди,
бейте крыльями по плечу!

* * *

Куда летишь, мой друг неверный,
на тройке бешеной, куда?
Не манят из чужой таверны
степные наши города?..
Харчевни есть и здесь. К рассвету

в степи умолкнут бубенцы.
Не дело русскому поэту
швырять себя во все концы.
Есть веселее и печальнее
народы разные вокруг.
Но нет интернациональней
народа русского, мой друг.
Познай его – весь мир познаешь.
Не за кордоном твой почёт.
Не слава только, не казна лишь,
я знаю, вдаль тебя влечёт,
таким уж уродился странным –
от слова «странствовать»...
Ну что ж,
любой вояж по дальним странам
в приход когда-нибудь зачтёшь.
Тут впечатленья, обобщенья
и взглядов наших широта.
А всё-таки – для песнопенья
не та политика, не та...
Когда твои устанут кони,
в ночной морозной тишине
ты кнутовищем в подоконник
тихонько постучи ко мне.
Зажгу свечу, навстречу выйду,
как выходили к господам,
задам овса коням и виду,
что был обижен, не подам.
Бутылку горькую раздавим,
«Лучинушку» споём в ночи,
и пусть метель стучит о ставень,

колышет пёрышко свечи.
Свеча моя в дощатом ставне,
там, за стеклом отражена,
о чём-то милом и недавнем
напоминает мне она,
о чём-то грустном и хорошем,
уже утраченном навек...
Неужто ты – вот так, прохожий,
случайный сердцу человек?
Зачем же всё, что волновало
и вдруг в стихи перелилось,
тебе, мой путник запоздалый,
тебе читаю, редкий гость?
А ты, как будто бы впервые, –
хотя ничто не кинет в дрожь, –
мне зарисовки путевые
за опыт сердца выдаёшь.
Я знаю, вновь рванутся кони.
Презрев мой дом, мою печаль,
ты от меня, как от погони,
уйдёшь в неведомую даль.
Но где-то там, бродя по свету,
коней весёлых горяча,
не забывай про встречу эту,
пусть не ко мне (меня уж нету!) –
спеши к товарищу-поэту,
пока горит его свеча...

...И жизнь, и слёзы, и любовь.

А. С. Пушкин

Это ж чудо из всех чудес –
лунным светом залитый лес!
Каждый куст над рекой,
каждый прутик в бору
я не хуже, чем днём, разберу.

Добрый месяц колышет в реке невода –
и озвучена светом вода.
Никому, ни за что вот такого следа
не врубить на Земле никогда.

Лунный свет –
это чуткие контуры сёл.
Это звон бубенца в тишине.
Я не слыхом слышал,
я не в книжке прочёл
о берёзово-лунной стране.

Я любил под луной,
горевал под луной,
под луною родимой умру.
Всё, что пело во мне,
всё, что было со мной, –
так считаю,
что было к добру.

В серебристую пряжу высокой луны

упадёт золотой лепесток –
 то ли песни запов,
 то ли гребень волны,
 то ли всей моей жизни итог.
 В лунный свет перейду,
 упаду,
 промелькну.

За какую такую вину
 мне из тысячи лун всего лишь одну
 приходилось любить луну?

Будет плыть над Землёю другая луна.
 И другие придут времена.
 Тишина – да не та,
 красота – да не та,
 и не та для луны высота.

На бетонных площадках, на глянцах ракет
 всё такой же – таинственный свет.
 Только память далёких,
 минувших ночей
 для влюблённого сердца звончей.
 Лунным светом прошитые сосны
 звенят.

И на том световом сквозняке,
 оступаясь,
 вбегает в Михайловский сад
 безрассудная юная Керн.

Берегись, генеральша, дворянская дочь!

Меня отвага юности питала.
Мечта вела дорогою морской.
Куда я плыл? – спросите капитана.
Какой я след оставил? –
Никакой...

Следы любые гаснут в океане.
Чем выше вал – тем незаметней след.
Кто морем жил – печалиться не станет
о том, что в море памятников нет.

Я сам – как памятник героям безымянным.
Горжусь, что с ними на одной волне
я штормовал под парусом багряным –
и даль морская подчинилась мне.

Горжусь, что был послушен рулевому.
Горжусь, что был матросами любим.
Ко мне, ко мне – как ни к кому другому –
приходит эхо из морских глубин.

То кораблей отвоевавших голос,
моих орудий неумерший гул...
О, если б даже море расколосось –
я и тогда бы в нём не затонул!

Нет, не уходим – сходим постепенно,
становимся частицами морей...
Пусть говорят, что всё на свете тленно,
а я не верю тленности моей.

Другие корабли идут по свету,
родные оставляя берега.
И не к лицу мне, старому корвету,
на молодость глядеть как на врага.

Им дальше плыть, наученным и рьяным,
к неведомым желанным чудесам...
Как я был верен парусам багряным –
они верны багряным парусам.

* * *

Хорошо шагать отавами,
хорошо пробиться чащею
и найти увитый травами
родничок с водой журчащею.

Тонкий солнца луч ломается,
как с волной студёной встретится, –
словно лютик осыпается
и опять цветёт и светится.

А над ними – в море острого,
разнотравного, пахучего
незабудки жмутся островом
возле дерева могучего.

Незабудки... То ли выплыли
из ручья такие просини,
то ли сосны небо выпили –
голубую смолку сбросили.

Мне и радостно, и жалко их,
мне единственного хочется –
всё цветенье это жаркое
не бросать на одиночество.

Хвойный шум, волну кипучую,
солнца луч, что дерзко воду рвал, –
я б унёс как песню лучшую
и как песню обнарудовал.

Где ты – свежесть родниковая,
и цветы, и травы пенные,
да про всё про это – новое
слово необыкновенное?!

Чтоб других за сердце тронули,
чтоб пьянили пуще солода
день ли синий, сосен кроны ли,
ранний вечер, весь из золота...

Чтоб всегда, в минуту каждую,
а не просто – время выдалось! –
людям виделась, как важное,
красота земная виделась.

Пусть в стихах родятся заново
и сияют в ночи зимние
под сосной, у комля самого,
незабудок брызги синие.

Представленные стихи были опубликованы в книгах А Кухно.

АЛЕКСАНДР ПЛИТЧЕНКО

Александр Иванович Плитченко (1943–1997) – поэт, переводчик, прозаик, общественный деятель, редактор.

Родился в селе Чумаково Куйбышевского района Новосибирской области. В 1982 году окончил Литературный институт имени М. Горького.

Сделал поэтический перевод на русский язык алтайского эпоса «Маадай-Кара», записанного от кайчи А. Г. Калкина (1925–1998).

Поэт А.Денисенко так сказал об Александре Плитченко: «Он и при жизни своей был всероссийски известный мастер, но в его поэтической известности присутствовала какая-то неистребимая глубокая тишина, издревле сопутствовавшая всем истинным талантам».

Автор многих книг: «Облака, деревья, травы» (1967), «Четыре белых коня» (1970), «Родительский сад» (1972), «Слово растений» (1979) и др.

ВЫШИВАНИЕ

Мама за неделю уставала
И к субботе старая была.
Мама в воскресенье вышивала,
Нитки разноцветные брала.

Радостные голуби взлетали,
Расцветали алые цветки,
Реченьки студёные плескали,
Падали кленовые мостки.

Сам я накормлю скотину вволю,
Прополою, полью весь огород,
Только пусть над чистым-чистым полем
Вышитое солнышко взойдёт.

Мама вышивала, вышивала,
Молодая, добрая была.
И соседкам вышивки давала,
А сама соседских не брала.

* * *

Зеркало в избе,
А на нём пчела.
Ползает пчела
По себе сама.
Под моим окном
Расцвели цветы,
Головами бьют
Сами по себе.
Над моим окном
Ласточка гнездо
Свила,
Там птенцы
Сами по себе.
Я смотрю в окно.

Что-то здесь не так.
Где-то здесь тоска.
Мне не по себе.

Посреди двора
Дерево росло.
Высохло оно
По себе само.

* * *

Кто напророчил годину лихую?..
Вновь подымусь от неверия злой,
Выйду и в душную полночь глухую
Тяжко взлечу над землёй.

Мутно качая огни городские,
Воздух зацвёл, как больная вода,
Не разобраться – о чём по России
Стонут во тьме провода, –

Снова бедой обернулась победа,
С муками к пропасти шли на звезду?..
В дебрях недобрых усталого бреда
Я не лечу, а бреду...

Господи Боже, доколе, доколе
Будет мытариться наша земля,
Где сыновей моих кровная доля –
Прадеда, деда поля!
Где же её неизбывная сила,

Где золотая державная рожь?
Нас напоила, врагов накормила,
По миру скоро пойдёшь...

Сколько погибло, чтоб мы согласились
Светом считать беспробудную тьму,
Кто одолел нас, кому покорились,
Служим в неволе – кому?

Что же пытаться себя снова и снова,
Что же глушить свою душу виной, –
Не воскресить нам села золотого,
Дедовой пашни ржаной...

Господи Боже, доколе, доколе
Бесам поганить родительский дом?!
Глас Протопопа мятежного в поле:
– Ино ещё побредём...

* * *

...И не знаю, что случилось со мной –
Я тоскую по дальнему дому.
Чуть закрою глаза – вижу снег под луной,
Саный след по безмолвью степному.
И лошадка трусит, и полозья скрипят,
И глядишь из тулупа на звёзды.
Спит, уходит село, дали мерные спят,
В лунном свете колеблется воздух.
Из тулупа на зимнее небо гляжу,
На безмолвную степь под луною,
И от мягкого сена, в котором лежу,

Вдруг потянет живую травую.
Я не помню, откуда дорога была,
Только радостно помню – дорога
Приближала меня до родного села,
До родного плетня и порога.
И не надо следить или править и гнать –
Меж оглоблями ходко и шатко,
Равномерно бежит, не устанет бежать,
Путь единственный зная, лошадка.
И скользит над просторною степью луна,
И следы, что плывут от полозьев,
Наполняет сиянием ровным она,
Как ручьи – серебром заморозив.
То лошадка всхрапнёт, повернув головой,
То прозвякнет кольцо под дугою,
То пахнёт от неё разогретой, живой
Силой, кожей, потом, травую...
Вынет душу до дна полевая луна,
Встанет дальняя молодость наша!
Серебристой росой с краями полна,
Чуть качается звёздная чаша.
Я не знаю, не знаю, что выпадет мне –
Скоро ль песня расстанется с телом,
Только свет золотой, свет в родимом окне
Встанет в сердце и там, за пределом.
Я не знаю, не знаю, что случилось со мной,
Я тоскую по миру, по дому.
Кто во мне разбудил этот снег под луной,
Этот путь по раздолью родному?..

* * *

Высокий дым тебя не повторит.
Река тобой не сможет притвориться.
Лес о тебе весной заговорит,
До листопада не наговорится.
Ты выйдешь, обернёшься – и опять
И листьев, и ветвей, и рук объятья
Живое не устанет раскрывать –
Ловить, любить и набиваться в братья.
Толпиться будут листья и лучи
У твоего окошка городского.
Но, выбрав одного, не отлучи
Всех, для кого ты теплота и слово.
Из несвобод ты выйдешь в небосвод.
Но оглянись у вечности, у края,
Как смертный тополь за тобой шагнет,
Из-под асфальта корни выдирая!

*Представленные стихи были опубликованы в книгах
А. Плитченко.*

ГЕННАДИЙ КАРПУНИН

Геннадий Фёдорович Карпунин (1939–1998) – поэт, переводчик, редактор, издатель, путешественник. Песня на его стихи «Синильга» потеряла авторов и стала народной.

Г. Ф. Карпунин работал в журнале «Сибирские огни», в течение нескольких лет возглавлял журнал. Автор известной книги «Жемчуг “Слова”, или Возвращение Игора» (1983).

Совершил несколько походов к загадочному месту падения Тунгусского метеорита.

Книги: «Благодарю за эту встречу» (1966), «Стихотворения» (1973), «Подсолнух» (1983), «Избранное» (1988) и др.

СИНИЛЬГА

Росу голубую склевала синица,
Над южным болотом струится рассвет.
Мы снова уходим, и снова Синильга,
Берёзовой веточкой машет нам вслед.

Куда ж мы уходим и что же нас гонит,
Куда же влечёт вас лихая судьба?
Мы встретимся снова в пустынном вагоне,
И ты улыбнёшься: «Привет, старина!».

И вспомним, как вместе с тобою мы жили,
Как слали проклятья бродячей судьбе.
Мы станем иными, мы станем чужими,
Изменим друг другу и сами себе.

Ребята, ребята, мы будем бессильны
Вернуть удивительный этот рассвет.
Ведь только однажды, однажды Синильга
Берёзовой веточкой машет нам вслед.

МЕТЕОРИТНЫЙ ЛЕС

Хочу вернуться я туда,
Где, вставши до небес,
Сверкает ярко, как звезда.
Метеоритный лес.

Возносит он под облака
Алмазный свой венец,
Доносится издалека
Олений бубенец.

И то не ветра тихий вздох –
То стонет кордавун
Про синий марсианский мох
И свет двух тусклых лун.

А на рассвете амикан
Пересечёт Тропу,
И вновь окажется шаман
В берестяном гробу.

Растает чей-то милый лик,
Явившийся во сне.
Тут оставлял ещё Кулик
Засечку на сосне.

Летят, летят стада гусей,
Летят снега с небес.
Как я хочу вернуться в сей
Метеоритный лес!

Там повстречался мне в пути
Мой неуклюжий стих.
Там я хотел бы провести
Остаток дней моих.

Стихи взяты с сайта Tunguska.tsk.ru.

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

Юрий Михайлович Ключников – поэт, эссеист, философ, переводчик, путешественник, академик Петровской академии наук.

Родился в 1930 году в городе Лебедин. Труженик тыла во время Великой Отечественной войны. С 1942 г. и до нынешних дней живёт в Сибири.

Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН. В 1979 г. был обвинён в идеализме и богоискательстве и после трёхлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем 6 лет трудился грузчиком на хлебозаводе. В годы перестройки стал издавать книги по духовной культуре Востока, Запада и России. Публиковался в центральных литературных журналах и изданиях.

Книги: «Дом и дым» (2013), «Душа моя, поднимем паруса» (2015), «Караван вечности. Сборник вольных переводов суфийской поэзии VII–XX веков» (2016), «Поднебесная хризантема. 30 веков китайской поэзии» (2018) и др.

* * *

В деревянном старом доме
Мы ночуем на соломе,
В этом доме домовые
До утра в сенях стучат.
Что-то очень дорогое
И родное сердце ловит
Друг у друга в потонувших
В чёрном омуте очах.
Не спугнуть бы только словом,
Даже вздохом, даже думой
Из глубин души поднявшееся
Чистое тепло.
Много лет назад за Волгой
Или, может быть, под Тулой

Пролилось оно на сердце
И на дно его легло.
Мы его похоронили,
Нам казалось, и надолго
Заросло оно рубцами,
Да, видать, не до конца.
И теперь опять под Тулой
Или, может быть, за Волгой
Всколыхнула души память,
Растревожила сердца.
Нам бы утром да при солнце
Улыбнуться бы друг другу
И запомнить, и запомнить
Полуночные глаза.
До свидания, деревня,
До свиданья пятый угол,
Там, где теплится лампада
И темнеют образа.

XX ВЕК

Памяти Н. С. Гумилёва

Я люблю этот век,
потому что он начат стихами,
карнавалами масок,
игрой коломбин и пьеро.
А ещё потому,
что срывал наши маски штыками,
что на кровь и на вес
измерял нашу суть и перо.

Я люблю этот век,
потому что ласкал нас свирепо
и надежду таил
среди самых свирепых угроз.
А ещё потому,
что на прочность проверил в нас
Небо –
нашу верность Ему
и связующий с Вечностью трос.
Я люблю этот век
за его чёрно-белые страсти,
потому, что размазал
по стенке все полутона.
А ещё потому,
что любое ничтожество власти
долго терпит, но быстро
смывает со стенок страну.

Я люблю этот век,
потому что в нём жизнь свою прожил
и не мог не влюбиться
в его восхитительный лик.
А ещё потому,
что был сыном его, не проходим,
что родное болото
всегда обожает кулик.

* * *

В памяти застрял светло и немо
Ласковый осколок тишины –

Синее саратовское небо
Самых первых месяцев войны.
Есть ещё там зарева полночные,
Огненные прочерки наверх
И барак соседский развороченный,
Точно в клочья порванный конверт.
Паровозный дым густой и чёрный,
Долгий путь,
налёты,
крики,
рвы.
А за Волгой вылетают пчёлы
Не из туч,
Из листьев, из травы.
Тихие цветочные пожары,
Жаркой дымкой сломанная даль...
Ничего прекраснее, пожалуй,
Никогда на свете не видал.
Что ещё?
Покос июньский помню,
Дальних молний частые броски.
Почтальон привозит прямо в поле
Призывные серые листки.
Медленно уходят полудети
В полутьму
с медовой полосы.
Тишина.
Над нами солнце светит,
А над ними сполохи грозы.
Небом этим, степью,
удивленьем,

Красотой,
упавшей в сердце мне
Я обязан маленькой деревне,
А выходит –
и большой войне.
С ними в грудь мою вошла Россия
Бабушкиной сказкой наяву
И косой тяжёлой,
Что косила
Только что подростскую траву.

БЛУХА

Когда расстанусь с плотной оболочкой,
Когда в бесплотный устремлюсь полёт
В бездонно-фиолетовый, полночный,
Луной посеребрённый небосвод,
Налюбовавшись звёздными мирами,
Я возвращусь однажды на заре,
Как блудный сын в новозаветной драме,
К тебе, всеутоляющей Горе.
Берели Белой светлая излука,
Кок-Коля Малого немолчный звон и зов.
Белуха, несравненная Белуха,
Ты для меня – как первая любовь.
В душе моей впечатаны навеки
Снегов твоих целительный простор,
Лазурные улыбки аквилегий,
Зелёный мрамор кедров и озёр.
Я знаю, что и ты, как я, не вечна,

Когда-нибудь твои растают льды,
От всех твоих нарядов подвенечных
Останутся лишь светлые мечты.
Но никакой зигзаг судьбы случайный
Не разлучит нас с очагом Отца.
Живёт в нас ослепительная тайна,
Которой нет и не было конца.

СТАРИННЫЙ ВАЛЬС

Я не могу такое не лелеять –
С пластинки тёмной дедовских времён
Взлетает в небо белоснежный лебедь,
Кружит старинный вальс «Осенний сон».
В лесу прифронтовом и на болоте
Когда-то среди грохота войны
Нам грела сердце тихая мелодия,
Мелодия несдавшейся страны.
«Осенний сон» – старинный вальс военный
Звонит среди всеобщего вранья.
Как светлый зов России сокровенной,
Как вызов чёрным стаям воронья.
Светлеют человеческие лица,
Блестят ресницы увлажнённых глаз.
Взлетает в небо царственная птица –
Кружит «Осенний сон», старинный вальс.

ПЕРЕВОДЫ

Франсуа Вийон

Баллада

на поэтическом состязании в Блуа

Напиться не могу, склоняясь над родником.
У вас, мой принц, мне тоже одиноко,
Дрожу в тепле, с морозом незнаком,
Моя отчизна – журавлиный клёкот.
Не полагаюсь ни на чьи глаза,
Своим – не верю, верю в чудеса.
А ночевать предпочитаю в сене.
Порой застанет в нём меня гроза.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.
Богат как царь без дрожи над казной,
Которую усердно расточаю.
Для подданных я – государь смешной,
Лишь миражи им щедро обещаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто коршуном голубку назовёт,
Кто в очевидность лишь сомненья сеет,
А выдумке заглядывает в рот.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.
Добра мешок по кочкам зла влачу,
Траву ищу под слоем павших листьев,
От правды ложь никак не отличу
Среди высокочтимых полуистин.
И правда где, в раю или в аду?
У тех, кто счастлив?
Кто попал в беду?
Рассудят лишь Создатель наш и Время.

Школяр, не знаю сам, куда бреду.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.
Напиться не могу, склоняюсь над родником,
Свои желанья ото всех скрываю.
Не потому, что так велик закон.
Я знаю лишь, что ничего не знаю.
От вас же, принц, не смею скрыть того,
Что многого хочу, но жажду одного –
Понять всего единственное Семя,
И верю в Высшей правды торжество.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.

Су Ши

Предутренняя дума

Ветер чуть колышет облака.
Озеро. Ночная тишина.
В тёмной чаще среди тростника
Плავает заснувшая луна.
Снятся чайке думы рыбака,
Спит река и тоже видит сны.
Вдруг, сверкая, рыба рассекла
На воде спокойный лик луны.
Я иду по влажному песку,
Неотрывно тень за мной бежит.
Вековую уношу тоску,
Что с утра в душе моей лежит.
Наша жизнь – как призрачный халат,
Сшитый не из ткани – из тревог.
Редко встретишь безмятежный взгляд

Среди трудных судеб и дорог.
А петух сыграл селу с утра
Несколько своих горластых гамм:
Объявляет, что пришла пора
За работу браться рыбакам.
Лодку отвязал, стащил с песка,
И себя увидел вдалеке...
Кажется подобьем лепестка
Мой челнок в озёрном тростнике.

ЕВГЕНИЙ МАРТЫШЕВ

Евгений Фёдорович Мартышев (1945 г. р.) – поэт, журналист, академик Петровской академии наук и искусств, руководитель областного литературного объединения «Молодость», автор 13 стихотворных сказок и пяти стихотворных сборников.

Окончил НЭТИ (1967). Работал прорабом, главным инженером СМУ (1979–1981), главным энергетиком ФГУП ГТРК «Новосибирск» (с 1985 г.).

Книги: «Ось бытия» (2006), «Облепиховый берег» (2010) и др.

* * *

Куда ни забреду, в любое время года,
в какой угодно час, в какой угодно миг
пытается со мной беседовать природа,
пытаюсь и я постичь её язык.

Бреду ли на заре по утренней пороше,
пью утреннюю стынь, которая пьянит,
зывает воробей: «Прохожий, дай мне крошек!».
«Открой в подъезд мне дверь!»

– соседский пёс скулит.

Торчит из снега пень казнённой кем-то ёлки,
на срезе, как слеза, застывшая смола.
Я слышу: «Человек, какой же ты жестокий.
А я ведь этот двор украсить бы могла».

Стучит в моё окно промёрзшей веткой тополь.
Что хочет сообщить? Не шествие ль весны?
А этот рыжий кот, крадущийся поодаль...
Он ловит сизаря и просит тишины.

Мы, зрячие, слепы, мы, слышащие, глухи.
Мы маскируем лень вседневной суетой.
Не потому ль окрест раздრაи и прорухи
и близкий человек почти как не родной?

Но в кой-то миг в душе вдруг расцветает лотос,
пробив собою грунт на выжженном плато.
– Люби меня, люби! – я слышу чей-то голос.
Гляжу по сторонам: откуда это? Кто?

ОБЛЕПИХОВЫЙ БЕРЕГ

Ясный день, из света сотканный.
Морщит воду ветерок.
Трясогузочка на отмели
крестит лапками песок.

Небо утреннее радужно
отливает вдалеке.
Чайки кружатся суматошно,
как чайники в кипятке.

Мы под берегом обрывистым,
на песчаной полосе.
Тянет рыбным, тянет илистым
от воды «а-ля глясе».

А над нами пышным ярусом,
источаючи дурман,
облепиховые заросли,
облепиховый туман.

Как светло и как божественно
всё распахнуто вокруг.
Как касания естественны
наших губ и наших рук.

Облепиховые заросли.
Облепиховый туман.
Нас уносит, как под парусом,
в бирюзовый океан.

Сердце яростно колотится,
и захлёбывает бриз.
Возвращения не хочется.
Время, стой! Остановись!

Но пора нисходит вечера,
обозначив нам предел.
День истаял. Делать нечего.
Как он быстро пролетел!

Расстаёмся скорбно – тихие,
скреп надёжных не найдя.
Тает берег облепиховый,
плавно в Лету уходя.

* * *

Как славна природа почти на исходе весны,
когда все сады, словно в кипени белой приборя,
и небо над вами – бездонное и голубое,
и майские ветры от сладких дурманов пьяны.

Когда всё окрест, пробудившись от зимнего сна,
встреч солнцу спешит – напитаться могучих энергий,
Скорее, скорей – из земли выползают побег.
Скорее, скорей, пока негу струит высота.

Скорее, скорее – трезвонит прозрачный ручей.
Скорее, скорей – мельтешат в кронах клёнов синицы.
Скорее, скорей – вылез крот из подземной темницы
и замер, разнежась, в потоке горячих лучей.

Всему, что на свете, отпущен прижизненный срок
и некий ресурс, невозможно который оспорить.
И надо успеть свой приход содержанием наполнить,
особенным смыслом, названье которому – прок.

И я исключением себя не считаю. Отнюдь.
Хотя соответствовать прожитым годам пытаюсь,
но пью эту свежесть и буйством хмельным наполняюсь,
готовый при встрече любую преграду свернуть.

Да здравствует жизнь! Невозможно её разлюбить.
Да здравствует жизнь! Я неистов и счастлив, покуда
лёт солнце с небес – это непостижимое чудо, –
свежа синева – необъятность её не избыть!

Покуда в зыблящемся мареве тает простор
и птичьи рулады с рассвета окрестности будят.
Покуда есть женщина та, что любима и любит,
и рядом потомок, которому глажу вихор.

Уходят мгновенья. Любому не скажешь: «Вернись!».
Не вымолишь небо: «Позволь пережить по-иному».
Грядёт и последнее, но и в предсмертной истоме
шепну благодарно: «Спасибо! Да здравствует жизнь!».

НЕЛЛИ ЗАКУСИНА

Закусина Нелли (Загородная Нэлли Михайловна). Родилась в 1942 году. Поэтесса, переводчик, редактор, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

В 1966 г. окончила Новосибирский инженерно-строительный институт им. Куйбышева в г. Новосибирске по специальности «архитектура»

Автор 14 книг стихов, публиковалась более чем в 50 коллективных сборниках и альманахах, литературных журналах.

Занималась литературными переводами венгерских, болгарских и югославских поэтов: переводы были опубликованы в соответствующих странах и вошли в авторские сборники. Переводила прозу и стихи с языков народов Сибири.

Книги: «Белый снег, зелёная трава» (1984), «Зимние письма» (1990), «Избранная лирика» (1995) и др.

Не знаю, правильно ль ушла?
Была ль своей я в этом мире?
Но в глубине твоей квартиры
меня запомнят зеркала.

Я горе знаю наперёд.
Оно морозит и сжигает.

Но через день придёт другая
и по-хозяйски пыль сотрёт.

Не ужаснувшись, проведёт
по моему отображенью...
И я сожмусь
от униженья.
Я это знаю наперёд.

Зеленоватого стекла
пугаюсь мертвенного цвета.
Прикрой, как в траур, зеркала.
Хоть это для меня, хоть это...

НАДЕЖДА ПУЗЫРЕВСКАЯ

Надежда Борисовна Пузыревская. Поэтесса. Родилась в 1947 году. Мать поэтессы Лады Пузыревской.

Работала геодезистом в институте «Сибгипролеспром», в изыскательских партиях в Кемеровской области, Красноярском крае, Читинской области, а с 1974 по 1979 год – на строительстве БАМа.

Печаталась во многих центральных и региональных изданиях СССР и России: «Дальний Восток», «Сибирские огни»,

«Огонёк», «Смена», «Литературная Россия», в коллективных сборниках и альманахах.

Автор трёх поэтических сборников: «Таёжные костры» (1977), «Ах, романтика...» (1986), «Страницы дней» (2004).

* * *

Был у отца за городом участок,
который громко назывался – сад.
Предметом умных споров о мещанстве
служил он мне двенадцать лет подряд.
Была б нужда таскать большие лейки,
под жарким солнцем биться с сорняком,
ведь помидоры стоили копейки
в воскресный день на рынке городском.
А он гордился собственным салатом
на самодельном строганом столе...
Была мне, горожанке, непонятна
крестьянская привязанность к земле.
Но до сих пор ещё я помню ясно:
закатным светом залито крыльцо,
спокойно, как у пахаря, прекрасно
заметно постаревшее лицо...
Ещё с погоста помню путь обратный,
где он остался навсегда лежать...
В тот страшный год собрали мама с братом
отцовских яблонь первый урожай.

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

Поэт, прозаик, поэт, переводчик, редактор. Родился в 1941 году в селе Пиоровское (Енисейский район) Красноярского края, учился в Томском университете, профессионально занимался палеонтологией в Институте геологии и геофизики в Новосибирском академгородке, с 1971 по 1983 г. работал в Западно-Сибирском книжном издательстве (Новосибирск). Редактор издательства «Свиньин и сыновья» (Новосибирск). С 2008 г. проводит ежемесячный семинар молодых литераторов в Новосибирске.

Публикуется с 1957 г., автор нескольких десятков книг в разных жанрах. Стихи и проза Прашкевича переводились и издавались в США, во Франции, в Англии, Германии, Польше, Болгарии, Югославии, Румынии, Литве, на Украине, в других странах.

Поэтические сборники: «Большие снега» (2008), «Масштаб» (2011) и др.

* * *

Араукария в саду
доисторическом приснится,
встопорщенная, будто птица,
с которой ветер не в ладу.

И этот параллельный мир,
давно описанный Шекспиром,
становится обычным миром,
как и предсказывал Шекспир.

Я остаюсь на берегу,
но начинаю отдаляться
от самого себя, от братства,
спасавшего мой бедный ум,

от снов, тяжелых, как свинец,
от прошлого, от дальних далей,
от сумасшествия, печалей,
от будущего, наконец.

И на краю безмерных вод
у размываемой отметки
срывается с шипастой ветки
тяжелый и колючий плод.

Стихотворение взято с сайта <http://www.isvis.ru/prastih.html>

ЛЕОНИД ОВЧИННИКОВ

Овчинников Леонид Фёдорович (родился в 1948 году) – поэт.

Творчество Леонида Овчинникова высоко оценивал критик Вадим Кожинов. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Наш современник» и поэтических сборниках.

Книги: «Время жить» (1987), «Видно, так порешила судьба» (1989).

ЗАБЫТЫЙ ТЕРНОВНИК

В твоей старенькой кружке – шиповник,
В потускневшем кувшине – вино,
И терновник, забытый терновник
Нам с тобою не снится давно.
Но как хочется снова в ту осень,
Где затянут безмолвием пруд,
В старый дом из нетёсаных сосен,
Что дарил нашим встречам уют.
Где с дождём разговаривал ветер,
Где дымился нехитрый очаг
И стекала по капелькам вечность,
Как расплавленный воск на свечах.
Ах, как хочется снова и снова
В ту же реку ещё раз войти

И услышать то самое слово,
Что навеки смыкает пути.
Но давно не цветёт твой шиповник,
И до капли испито вино,
И терновник, наш старый терновник
Тянет ветки в пустое окно.

* * *

Благодать последнего тепла
Снизошла на скошенное поле,
На просёлок дремлющий легла,
Опустилась плавно на угоре.
Полностью – с макушки и до пят –
В зыбкой и протяжной полудрёме
Я лежал, усталостью распят,
На ржаной оранжевой соломе.
Надо мной плыла... плыла... плыла
паутина – хрупким синим небом.
Пахла тишиной и свежим хлебом
Благодать последнего тепла.

Представленные стихи были опубликованы в периодике.

ЖАННА ЗЫРЯНОВА

Жанна Владимировна Зырянова (1939–1994). Поэтесса. Первые публикации – в середине 1960-х годов в газете «Молодость Сибири», участвовала в Литературном объединении Ильи Фоянкова.

Мать поэтессы Юлии Пивоваровой.

Книги: «Граница снегов» (1981), «Незванное» (1992); коллективные сборники: «Гнездо поэтов», «Свет в окнах» и др.

* * *

Когда луна бывает половинной,
А вслед идёт несветлая заря,
Особенно родной и безалтынной
Мне кажется просторная земля.

Где край окна заиндевел и розов,
Вороньи гнёзда. Мёрзлая вода.
И в пёстром и залатанном – берёзы
По снегу догоняют поезда.

А где-то, умирая от сиротства,
Стоит звезда. Она в такой дали!
И кажется, нет выше благородства
Молчащего пространства и земли.

АНАТОЛИЙ МАКОВСКИЙ

Поэт, яркий представитель неофициальной поэзии второй половины XX века (1933 – 1995[?]). Потомок художника-передвижника Маковского. Во время войны оказался в Германии, после войны – пока мать, художница, была в Воркуте – жил в детдоме под Иркутском. Служил в армии, учился на мехмате МГУ. В Москве в 1960-х годах примыкал к кругу Леонида Иоффе и Евгения Сабурова.

Окончив аспирантуру, переехал в Сибирь, в Академгородок под Новосибирском. Работая в НИИ Академгородка, заведовал лабораторией.

С конца 1970-х гг. работал маляром, грузчиком, подсобным рабочим, потом уже нигде легально не работал. Принимал активное участие в неофициальной литературной жизни, жил почти как Диоген, питался хлебом и чаем, часто не имел жилья. Последние годы ночевал в сторожке в Центральном районе у искусствоведов В. Забелина и В. Назанского, подрабатывавших ночными сторожами, и у других друзей.

До перестройки не печатался, но уже был человеком-легендой в неформальной литературной среде.

Стихи печатались в альманахе «Мангазея» и газете «Вечерний Новосибирск», а также в журнале «Знамя», в антологической «Самиздат века» (1997), «Русские стихи 1950–2000» (2010).

В 1992 г. в поэтической библиотеке «Мангазея» (Новосибирск) тиражом 1000 экземпляров был издан сборник стихотворений Анатолия Маковского «Заблуждения».

В 2006 г. была выпущена книга А. Маковского «Чемодан: стихи из утраченного чемодана».

Биографические сведения – с сайта <http://infomania.ru/>.

НОКТЮРН

Только – слабое сияние луны
Только – тихое дрожание струны
Только – ночь, какая ночь!
 Под юный плеск
Сонно в озере купающихся звезд.

Хорошо, что этой ночью я – один
Хорошо, что я вообще всегда – один
В свете призрачном и лунном
Я – насмешливый и умный
Понимаю: что действительность – лишь дым.

ОКУРОК

Вот ты бросил меня, я ещё догораю,
Дым струится, струится, и хочется жить...
Ты пойдёшь не спеша по цветочному краю,
Я останусь, и ветер будет пылью кружить...

Скоро сырость туманов сменит снег и метели,
Опустеет, замрёт исстрадавшийся сквер, –
Буду тихо лежать на бетонной постели,
И растопчут меня, может ты, например.

ГРОЗНЫЙ

Плодово-грушевый и синий город Грозный,
В тебе спасался я и манускрипт писал.
Благодарю тебя за осень
И за орла на небесах!

Твои окраины – фонтаны нефтяные,
Насосы, знавшие царя...
Но – министерствами отныне
Откинулся базарный ряд.

И церковь, где венчались дворяне, –
Из камня шахмат, серая, стоит.
И эполеты смешаны с Кораном
У флигелей, теперь уже в пыли.

* * *

Жизнь моя в каком-то сизом свете
голуби летят на синий вечер
девушки кому-то обещают
остальным лишь бедрами качают

колокол звонит на неудачу
я уже решил свою задачу
только в мире все неразрешимо
Бог не электронная машина

пусть желты Евангеля страницы
свиньям все корыто будет сниться
были б деньги я б уехал в Ниццу
пролорнировал бы за границу

там меня никто не понимает
пусть уж лучше здесь не принимают
чем я виноват что идиоты
чужды аромата идиомы.

Стихи для антологии предоставлены А. Метельковым.

ИВАН ОВЧИННИКОВ

Иван Афанасьевич Овчинников (1939–2016) – поэт. До начала 1990-х годов XX века – неофициальный литератор, яркий представитель андеграундного образа жизни, которого поэт Андрей Вознесенский назвал «сибирским киником». Ориентировался на поэтику «Лианозовской школы», а не на образцы советской поэзии. С середины 1980-х гг. участвовал в фольклорном ансамбле Вячеслава Асанова и принял активное участие в фольклорном движении. Много лет работал дворником в Центре русского фольклора.

Публиковался в журналах «Сибирские огни» и «Новосибирск», альманахе «День поэзии», сборнике «Гнездо поэтов» (1989), антологиях: «Самиздат века» (1997), «Нестолычная литература» (2001), «Русские стихи 1950–2000» (2010).

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В НОВОСИБИРСКЕ

Если ветер могучий в окошко убийственно
потемневшие капли с размаху швырнёт,
знаю: туча с Алтая – Катуньская, Бийская –
долетела досюда и всё тут согнёт.

В это время там солнце. Под кедрами домики.
Школа. Лес. Синева на горе – вечный снег.
Далеко где-то плач на могильнике тоненький.
Мириады цветов, где меня уже нет.

* * *

Куда ушли армянки молодые?
Куда исчезли в синем, голубом трико?
В зелёный лес, в дома свои другие
под пологом далёких тихих, нежных облаков.

А там на сто, на тысячу километров
синеет море синее, солёная вода.
И нежный облик девушек ушедших
от грустных глаз моих, наверно, навсегда.

* * *

Делается вечер и темно становится.
И плохо. Горестно глядеть во тьму.
Точно, в это время горе ловится,
если не поедешь ни к кому.

Сам уже слабее тусклой лампочки.
А спокойно в летний вечер, в высь
молчаливые, стремительные ласточки
над тобой скорее пронеслись.

* * *

Стараюсь не думать о том, что придёт
на смену земле, небесам.
Как память о Данте возьмёт и пройдёт,
как тень пробежит по лесам.

Упадок духа весенний.
Сперва наступило тепло.
И вот она, бренность,
тающий снег, как ничто.
Уныние это, а жижа
на стройке, на сапогах –
не жалко. Темнеет позднее.
Как только день прибывает,
уже сожалешь:
потом убывает.

А так уже по-земному –
ага! – неохота!
Вдруг резко на стройку
со всеми своими стихами,
с рассеянной головой
таскать, выпивать над домами,
над смесью и грунта, и снега
над речной синевой.

ПОДРАЖАНИЕ КИТАЙЦАМ

Послушай, старик, научи меня гаммам.
Я из простой семьи.
Вчера как дурак напился.
Сегодня на день предосенний гляжу.

Стихи взяты с сайта <http://www.topos.ru>.

НИКОЛАЙ ШИПИЛОВ

Шипилов Николай Александрович (1946–2006) – поэт, прозаик, известный бард (автор-исполнитель), представитель неофициальной культуры. В 16 лет ушёл из семьи, учился в Авиационном техникуме и Пединституте, позднее – на Высших литературных курсах. В молодости вёл андеграундный образ жизни. Работал грузчиком, бетонщиком, штукатуром, экскаваторщиком, артистом хора в Новосибирской оперетте, корреспондентом, озвучивал своими песнями передачи на местном телевидении. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Был одним из авторов сборника «Гнездо поэтов». Стихи входили в антологии авторской песни.

Песня «После бала», за которую Николай Шипилов стал лауреатом «Песни года – 1998» (исполнил Д. Маликов), стала всенародно любимой. Последние годы, живя в Белоруссии

и будучи небогатым человеком, сумел привлечь средства и построить храм.

Книги: «Пятый ассистент», «Шарабан», «Ночное зрение» и др. Поэзия Шипилова публиковалась в антологии «Русские стихи 1950-2000 (2010).

СЛЕПОЙ

Искрили провода, и свет мигал опасный,
Но ласковая печь струила теплоту.
Февраль... Мой генерал, родитель мой прекрасный
Задумчиво глядит на алую плиту.
«Не бойся, – говорит, – зажжём с тобой лучину,
Так много не читай, не порть себе глаза...
Вот вырастешь большой – найдём тебе дивчину.
Зачем ты ей слепой?» – так батюшка сказал.
И тем навеял сон. Спокойно в доме стало.
И не пересказать, как на краю села
Свистели все ветра, но печь светила ало
И таракан шуршал клеёнкою стола.
...Но нет, я не спасён от слепоты житейской.
Хоть и глаза остры, хоть вижу явь и сны,
Но так повеет вдруг теплом воды летейской,
Что впору не доплыть до будущей весны.
И лишь сердечный взор уже не ошибётся,
Но поздно! Позади и выбор, и порог,
И дым чужой печи, что в небо тихо вьётся,
Как дым моей судьбы...
Как прах моих дорог...

ПЕХОТА

Иван, Сергей да Николай – все рядовые,
Бойцы-окопники, «кирзовая нога»,
Им выпадают все осадки годовые,
Дожди свинцовые да красные снега.

А на пулемёты неохота им была.
Но всё равно пехота-пехотурушка пошла!
Вот она, родная, на «ура» вперёд пошла!
Стоило ль родиться для такого ремесла...

Иван, Сергей да Николай ещё живые,
Смеясь над жизнью непонятною штабной,
Свои сто граммов принимают фронтовые
Перед атакою решительной ночной.

А дотов злые соты пуля жалит, как пчела,
Но всё равно пехота на «ура» вперёд пошла!
Вот она, родная, врукопашную пошла!
Стоило ль родиться для такого ремесла?

Иван, Сергей да Николай давно устали.
Ведь не из стали же они, не из брони...
То вспомнят запахи карболки госпитальной,
То деревень своих дрожащие огни.

А во чистом поле – ни лощинки, ни угла.
Но всё равно лавиной ярость львиная пошла!
Вот она, лавиною, невинная пошла,
И во чистом поле подчистую полегла...

ЗОЛОТАЯ МОЯ

Тане Дашкевич

Словно старую книгу листая,
Вижу строки и знаю – о ком:
«...Не вернётся вчерашняя стая
За подбитым своим вожаком...»

Не вернётся вчерашняя стая,
Чтобы в прошлое нас унести...
Золотая моя, золотая!
Потерпи, потерпи – не грусти.

Наша стая не в раз поредела.
Кто подбит, кто в тоске изнемог.
Мы взлетели – нам плёвое дело,
А Россия ушла из-под ног.

До Урала уйдём, до Алтая,
Из России гонимые вон!
Золотая моя, золотая –
Потерпи, потерпи... ничего...

Исповедуюсь с именем Бога
Тихим пажитям, теням Москвы.
Каюсь: слов произнесено много,
Но мертвы они – каюсь! – мертвы.

И осенние дни коротая,
Мы с тобой, как былинки, сплелись,
Золотая моя, золотая!
Помолись же за нас, помолись!

И, огладив сухою ладонью
Гриф гитары, шепчу я с трудом:
Мы – великой России одонья,
Промотавшие Бога и дом.

И, пожарищ огнём налитая,
Ты на шею мне кинешься: – Ах!
Золотая моя, золотая,
Видно, наши давно в небесах...

И давно уже, лет не считая,
Я надеюсь, что новый, иной,
В одиночный полёт улетаю,
Повстречается в небе со мной.

Скажет он, что Россия святая
Расцвела после новой войны!
Золотая моя, золотая –
Это сны, это только лишь сны...

КРЕСТ. 1948 Г.

Над лоном малиновых дольных долин
Огромно висели Стожары.
В ночи тростниковый пылал Сахалин,
А кто бы тушил их – пожары?
Победу восставший великоросс,
Японка с опасной улыбкой,
Солдат в телогрейке, в бушлате матрос
Стояли над детской зыбкой.
А остров качало, как зыбку. Как ял,
Штормило его и качало.

Мой юный отец на коленях стоял
У жизни сыновней начала.
Он был – офицером советским. Ему ль
Стоять пред ставром и молиться?
Но ставр уберёт его тело от пуль,
Чтоб мне на земле воплотиться.
И пела японка: «...прииде Крестом...».
Матрос подпевал: «...всему миру...».
И зыбка, как шконка, качалась притом,
Кивала военному клиру.
Так я был крещён,
А потом запрещён
Жуком в человеческой личине.
Молитвою стал православный мой стон,
И шёл я на Запад с Востока, как Он,
В простом человеческом чине.
Алмазно сияли мне звёзды крестом
Над каждым разъездом и каждым мостом,
Был крестик крестильный на теле моём
Защитой, надеждой, оплотом.
Но стыд забывал я, себя убивал,
Греховные страсти вином запивал.
Я трижды, казалось, убит наповал,
Но Бог милосерд отчего-то:
Он дал мне дорогу, любовь и жену,
И сына, крещённого нами.
Сын шепчет молитву, отходит ко сну,
Питаемый светлыми снами.
За отчим, за дедовским этим крестом:
Что – там?
Иди, поклонись освящённым местам –

Крестам.
Там пращуров прах.
Я шепчу, не тая,
Прощаясь:
Се сын твой... Се мати твоя...

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Когда за ходом облаков по лощам небесным
Следил ребёнок, возлежа на летнем берегу.
То мама пела на лугу – ему казалось песни,
И медонос благоухал перед грозой в стогу.
Казалось, этой тишине вовек конца не будет.
В ней даже самый лёгкий вдох – казалось – шелестит.
И вдруг ребёнок крикнул: «Ох! Скорей смотрите, люди!
Смотрите: Бог! Смотрите: Бог на облаке летит!».
Смотрели люди в небеса: казались им – драконы.
Они смотрели на мальчика: казалось им – чудно.
В жилищах не было икон. Вместо икон – законы:
Нам должно космос покорять, сверлить морское дно.
А Бог на облаке летел... Под синей неба сенью
Он видел: ангела душа за ним летит легко.
Стояла времени река, стояло Вознесенье.
Казалось людям, что четверг...
«До Бога – далеко...».

Стихи Н. Шипилова предоставлены Т. Дашкевич.

АЛЕКСАНДР ДЕНИСЕНКО

Поэт. Александр Иванович Денисенко родился в 1947 году в селе Мотково Новосибирской области.

По профессии – телеоператор (Новосибирское ТВ). Работал также в издательствах «Детская литература» (Сибирское отделение), «Мангазея». Стихи публиковались в журналах: «Сибирские огни», «Мангазея», «Литературная учёба», «Сибирская горница», «Земля Сибирь», «Русский дом», «Знамя», в сборнике «Гнездо поэтов», в поэтических антологиях: «Итоги века» (1997), «Русская поэзия XX века» (1999), «Антология русской поэзии» (2000).

Автор книг «Аминь» (1990), «Пепел» (2000). В 2019 г. вышла книга «Провинция». Стихи публиковались также в антологиях «Самиздат века» (1997), «Русские стихи 1950–2000» (2010).

* * *

*Евгению Лазарчуку. С вечной
памятью о нашей юности*

Отчего в этом доме светло...
Это брёвна прогрелись за лето,
Да ещё два окна под ветлой,
Как глаза, переполнены светом.

Отчего на душе так темно...
Это кони мои под ветлою
Ливнем шёлковых грив мне окно
Занавесили чёрной фатою.

По ночам меня душит ботва
За мои неумные речи,
И цветы – полевая братва –
Заплетают мне руки и плечи.

И всю ночь полевая луна,
Протекая сквозь ситец оконный,
Своим красным вином допьяна
Напои'т золотые иконы.

Или это бессонницы бред:
Это сам я качаюсь пред ними,
Это их исцеляющий свет
Сохраняет меня невредимым.

Отцвели кумачи на Руси,
Отошли комсомольские пасхи.
Светлый сонм деревенских святых
Пополняют слепцы и подпаски.

Не заглянет в окошко мой дед:
Он с 16 лет – враг народа.
И меня в этой комнате нет:
Я расстрелян среди огорода.

Пролетел через грудь мою шмель
Из ствола пионерского горна,
И московской любви карамель –
Поперёк деревенского горла.

...Хорошо, что успела луна
Нацедить свой напиток игривый.
Эту лунь выпивая до дна,
Расчешу своим шомполом гривы.

Этим соком я стёкла протру,
Осветлю потемневшие брёвна,
Чтобы в хлынувший свет поутру
Сердце билось и тонко, и кровно.

На душе и темно, и светло:
То луна, то деревья, то кони,
То ветла обнимает окно.
Это было всё, Саша, сыскони.

Только я все стихи променял
На слова совершенно простые,
И не вспомнит, наверно, меня
Золотая деревня Россия.

* * *

Николаю Шипилову

За деревней, в цветах, лебеде и крапиве
Умер конь вороной во цвету, во хмелю, на лугу.
Он хотел отдохнуть, но его всякий раз торопили,
Как торопят меня, а я больше бежать не могу.

От весёлой реки, по траве, из последних силёнок,
Огибая цветы, торопя черноглазую мать,
К вороному коню, задыхаясь, бежит жеребёнок,
Но ему перед батей уже никогда не сплясать.

Председатель вздохнёт, и закроет лиловые очи,
И погладит звезду, и кузнечика с гривы смахнёт,
Похоронит коня, выйдет в сад покурить среди ночи,
А потом до утра своих глаз вороных не сомкнёт.

Затуманится луг. Все товарищи выйдут в ночное,
А во лбу жеребёнка в ту ночь загорится звезда,
И при свете её он увидит вдали городское
Незнакомое поле. Вороного тянуло туда.

За заставой, в цветах, лебеде и крапиве
Умер русский поэт во цветку, во хмелю, на лугу.
Он лежал на траве, и в его разметавшейся гриве
Спал кузнечик ночной, не улётшийся, видно, в строку.

И когда на заре поднимали поэты поэта,
Уронили в цветы небольшую живую тетрадь,
А когда все ушли, из соседнего нежного лета
Прибежал жеребёнок, нагнулся и начал читать.

* * *

Покрести на дорогу мне сердце и сокола выпусти,
Отцвели васильки у тебя на высоком лице.
В час вечерний у рощи прощальной прощенье
нам выпроси,
Где стонал соловей и дрожали огни на ВЦ.

И за рощей за той, причиняя земле ожидание,
Осень красное платье снимает и дарит тебе.
Вот и будет теперь на лице у меня два страдания:
Как мне вас различать и кого мне любить в сентябре.

Серый гусь просвистит, словно свет собирает от сокола,
И сойдутся они над моей головой в небеси,
И перо упадёт мне под ноги с гусяного локона,
Чтобы я написал тебе мёртвое слово «прости».

Пусть уж лучше, как встарь,
 золочёным замком сердце заперто,
Пусть соловушка в роще осенней уронит ключи,
А зима подойдёт – упадёт в этом месте он замертво,
И сожмётся сердечко, как красный кусочек парчи.

Я посею цветы по высокому русскому снегу,
Чтоб играла метель в васильки, васильки, васильки,
Но ударил вернувшийся сокол под сердце с разбегу...
...Гусь летит в середине рыдающей русской строки.

* * *

Виктору Сайдакову

К ночи верхом на деревьях с улыбкой проскачут
 нездешние всадники:
Видимо, в гривы деревьев вплели они дёвичий смех.
Голая осень будет смиренно стоять в палисаднике,
Ждать, когда грудь искушает ей юноша-снег.
К ночи хозяйка моя, у которой я, юноша,
 жил целый год, постоялец,

Будет ходить по избе, не стесняясь своей наготы.
Если к груди невзначай прикоснусь –
у неё на щеках выступает мгновенный румянец,
А среди зимы, к дню рожденья её,
на окне расцветают живые цветы.

К ночи прискачет мой клён с разноцветной
смеющейся гривой.
Голая осень выйдет меня в палисад провожать.
Я наклонюсь к ней, целуя:
пускай она будет счастливой-счастливой
И каждый год обязательно всадника-юношу ждать.

СНЕГ СНЕГ СНЕГ СНЕГ СНЕГ СНЕГ СНЕГ СНЕГ

это кажется метель пурга
все уляжется уйдёт в снега
мёрзлый тополь отойдёт ко сну
в бесконечную свою страну

ешь откусывай хрусти вино
пока вьюги на Москве гостят
это мёртвые давным-давно
с неба девушки летят летят

КРАСАВИЦА

Слава богу: метёт и метёт.
Зги не видно. А ехать – не близко.
Парус ветра рванулся вперёд,
Разгоняясь до самого Бийска.

О, тут чудится русский дорожный сюжет:
Бесы, волки, любовь и погоня –
Снег белей, чем крахмальный дворянский манжет...
И в степи заплутавшие кони...

И, конечно, герой – молодой офицер,
Тёмной ночью укравший невесту, –
Интересно, останется юноша цел
Иль погибнет с красавицей-крести...

Кто-то гонится следом: ревнивый отец,
Гимназист или дохтур уездный...
И пускай их преследуют страстный купец
И кузнец – молодой и мятежный.

Стоп... А кони? А кони, вестимо, собьются с пути –
Волчья стая сжимается веером.
Всё: сомкнулась – теперь никому не уйти,
И девичья перчатка, как в книжках, – утеряна...

Дальше что? Дальше – выстрел: и падает в снег эполет...
Кто стрелял?.. Непонятно... Наверное,

Из кибитки проезжей шарахнул корнет –
У корнетов привычка прескверная...

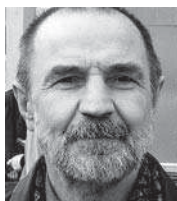
Хорошо б в это время и встречный ямщик
Опоясал кнутом молодого купца –
Это б было, друзья, средь снегов – просто шик,
А потом бы взбодрил в три удара корнета, отца, кузнеца.

И пошла кутерьма: даже волчий вожак
Получил два заряда в смотрелки.
Только ветер свистел в ямщиковых вожжах,
Когда он уходил в перестрелке...

Ну а что же она? – Ни мертва, ни жива:
Женихи, кавалеры – в сугробе...
И плывёт средь пурги в дальний путь кошева,
И ямщик наклонился к зазнобе...

Слава богу: метёт и метёт...
Зги не видно, а ехать – не близко.
Парус ветра рванулся вперёд
И смеялся до самого Бийска...

АНАТОЛИЙ СОКОЛОВ

Соколов Анатолий Евгеньевич (1946–2010). Поэт. Работал в геологических и геофизических экспедициях в Заполярье. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института, был учителем русского языка и литературы, преподавателем философии в вузах. Кандидат философских наук.

Книги: «Спартакoвский мост» (1990), «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), «Материк» (2006), «Осенние птицы» (2010).

* * *

Мы, каракули Бога, пытались себя прочитатъ,
Но чем дальше, тем толще беспомощной жизни тетрадь,
И на первых страницах уже неразборчивы строчки...
Тесно диким словам на просторах трёхспальной стопы,
А домашние мирно пасут капитанские дочки
За спиной в политической буре кипящей толпы.
Слуги бело- и краснокирпичного нежного тела
Не забыли, хоть жизнь на три четверти в смерть улетела,
Обжигавший зрачки электрических окон пунктир
Да метели шершавый язык, обдирающий щёки...
До свидания в будущем, рай коммунальных квартир,
Где хрустели дешёвым вином и учили уроки.

Сторож собственной дури, игрушка заморских забав,
Не дыша, не любя, еле-еле просуществовав
Между тем доморощенным счастьем и купленным этим,
Начинаешь шептать «лимонад», «шоколад», «пастила»
И облезлую кроличью шапку ломать перед третьим,
И трясти перед ним головой из цветного стекла.
Помогал мне барак засыпной, маргинальный барашек,
Накопить в голове миллиард разноцветных стекляшек,
Не украсть, так украсить цветами районный сумбур,
Там, где царствует хаос прямых и изломанных линий...
Но посмотришь однажды из узких глазных амбразур,
Как заплёванный скверик
вдруг хвост распускает павлиний,
И в душе моей мрачной становится сразу светло,
Когда город глядит на неё сквозь цветное стекло.

После рюмки кагора над родиной небо в алмазах,
И цветы на пуховых плечах, и пирожные в вазах.
В кошельке гроыхает остаток артельной казны,
Но в бутылки с бордовым вином не осталось ни грамма,
И ободранных луковиц пару в проёмах глазных
С жутким скрипом вращает весеннего дня панорама.

Представленные стихи были опубликованы в журнале «Сибирские огни».

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

Берязев Владимир Алексеевич (род. в 1959 г.). Поэт. Переводчик. Публицист. Общественный деятель. Окончил Литературный институт им. Горького. Был директором издательства «Мангазея» (1990 - 1997), председателем правления Новосибирской писательской организации (1997- 2000), директором и главным редактором журнала «Сибирские огни» (1999-январь 2014).

Автор нескольких книг и множества публикаций в периодике, как российской: «Сибирские они» «Урал», « Новый мир», «Знамя», «Наш современник» и пр. — так и зарубежной: «Новое русское слово» (США), «Интерпоэзия» (ФРГ) « Дикое поле» (Украина), «Аманат» (Казахстан), «Гостиная» (США) и пр.

Стихи В. Берязева входят в школьную программу.

Некоторые из книг: «Золотой Кол» (1989); «Могила великого скифа» (1994), « Кочевник» (2004), «Золотоносная мгла» (2008); «Ангел расстояния» (2009), «Чаша и пояс» (2013).

Автор более 20-ти поэм и романа в стихах «Могота» (2003).

* * *

Не сочиняй, не придумывай, просто смотри
в тёмную воду, на углей багровое тло,
вместо Вергилия выбери в поводыри

это течение, это мерцание, это тепло.
Так погружаемся... Так, хронотропную мглу
одолевая, мы видим пустой Назарет:
пыльная осень, Мария стоит на углу
возле арабской кофейни с ларьком сигарет.
Скоро декабрь. Живот, как большая луна,
полон, огромен и перевалил через край,
переждидай светофор, молодая жена,
ангел, храни тебя крепко! и ветер, играй
то ли хиджабом, не вижу я, то ли платком,
вот поплыла, понесла сокровенный сосуд,
все оглянулись... и замерли...
и тронуло холодком —
через перекрёсток
 надежду последнюю
 нашу несут.

ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

Летел через поле по долгой долине
Оби — мимо скирд и хлебов.
И солнце, как огненный столп Кундалини,
Стояло на слове «любовь»,

Сияло своей вертикальной силой,
И осени первая прядь
По кронам березовой рощи сквозила,
И в синюю речки тетрадь

За буквою буква легко осыпалась —
Строкой на глубокой воде,

И облака белое пламя купалось
В иконоподобной среде,
Где синь золотая...

А там, в Палестине,
В пустыне, на древней горе,
Свет жемчугом зрелым горел на холстине —
Пречистом Христа серебре.

* * *

На веранде дома деревянного,
от зимы еще не отошедшего,
я слоняюсь — сам не хуже пьяного
грузного шмеля, едва нашедшего
выход из норы, где зимогорами
ждали мы тепла насущного
и — поющей Пасхи над соборами,
и — замены тощего на тучного.

На веранде, светом переkreщенной,
с шевеленьем сора прошлогоднего,
с кучей дров, с извилистою трещиной
на стекле, с остатками исподнего
в банной шайке, с ветхими растениями
на столе, в кувшине мне подаренном,
я торчу — и глупо и растерянно,
как теленок посередь проталины.

На веранде, сквозняками обжитой,
с верстаком, со стружкой почернелой,
с кирпичом корчагинского обжига

(из него тандыр, быть может, сделаю)
и с рыбачьей снастью, что по осени
на гвоздях повисла, не разобрана,
я опять ворон считаю до семи
и плюю на все четыре стороны.

На веранде, верю я, на родине,
где за огородами — околица,
где лишь самородной боли отдано
все, что окликается и молится,
где еще побуду я, не призванный,
не прощенный пленник мира данного —
братом, человеком, а не призраком,
на веранде дома деревянного.

*Представленные стихи были опубликованы в журналах:
см. <http://magazines.russ.ru/authors/b/beryazev>*

АЛЕКСАНДР ПИМЕНОВ

Поэт, журналист, бард (1957–2018). Родился в Новосибирске, учился в Томском университете. Жил в Новосибирске, Омске, Барнауле, снова в Новосибирске. Некоторое время жил в Австрии. Его песни были известны в неформальной молодёжной среде 1980-х – начала 1990-х гг., например, «Ассам-

блея», «Хочу я в Польшу въехать не на танке» (1980). Стихи ходили в списках. Писал не только стихи, но и прозу.

Пименов был одним из инициаторов создания новосибирской литературной группы «ПАН-клуб» при газете «Новая Сибирь» (А. Ахавьев, Г. Селегей, Д. Рябов, М. Туханин и др.), известной в 1990-х гг. своими текстами и поэтическими акциями в городской среде, участвовал в некоторых из них.

О себе говорил так: «Я из тех странных пиитов, признание к которым приходит только после смерти».

* * *

Да был ли корабль? – не только как символ стихов,
Плохих, разумеется, тех, что бывают во сне лишь
Кошмарном, где, книжку свою покупая, краснеешь,
Где негром ступаешь на сходни с одним из тюков,
Где память чужая в тебе, посвящённом, брамине,
Про год до зачатья... Возможно, он был «...дураков»,
Поскольку, во-первых, во сне абсолютно прямые
Сцепления слов (то есть отдых большого ума),
Поскольку, в-четвёртых, бесстыжая эта корма,
В которой дыру похотливые волны промыли...

Да был ли корабль, чьи трубы или паруса
Неискренне радовали пассажиров салона,
Где те времена возвышали свои голоса,
Которые только вчера ещё были «сегодня»?

Да был ли тот айсберг на суше, и птицы в гробу,
И красным обитый салон, и его старожилы,
И тот материк, на который сошли пассажиры,
Чья вшивая кладь улетела в большую трубу?

Да был ли когда вообще на Земле Океан?
Скелеты судов догорают в глуши континента,
Давно населённого призраками россиян...
Ах, чёрное, красное море – тоска абстинента...

За годы до года рожденья – детали точны:
Знакомый район без меня и без нашего дома.
Река? океан? кашалот? осетры? пристипома?
Пяти- ли, шести- ли, семи- ли десятки? Сны.

Марксизм-феминизм, заседание муз во плоти:
Как сладко исполнены тупости, лжи и коварства
Суровые губки, в которые жгуче войти
Так хочется здесь же, на празднике Карлика Маркса...

Да был ли корабль, туман? Каннибальская знать
Поедет в европы, свои предлагая порядки,
А тем, кто остался на суше, уместно принять
По порции Конрада с тоником от лихорадки.

СТАРИННЫЙ РОМАНС

Вошёл я в дверь знакомую без стука
И, поперхнувшись собственной слюной,
Вдруг понял: жизнь – серьёзнейшая штука,
И всякое бывает под луной.

Передо мной, одет в парадный китель
И со значком ударника труда,
Ваш пожилой заслуженный родитель
Стоял эрзацем страшного суда,

Как будто слон, сбежавший из вольера,
На хоботе с архангельской трубой...
Он не хотел стрелять из револьвера,
Но вышло как-то всё само собой.

КОЛУМБОВ ОРЕХ

Земля, как орех, напряглась расколется
В щипцах государств, под ногой полководца.
Но пряный, запретный, крепчайший орех
Ядро отливает отнюдь не для всех.

Для тех, что приходят всё реже и реже,
Яви свою мякоть, откройся, орешек,
Поведай собравшейся пёстрой толпе,
Как зреют вулканы в твоей скорлупе.

Я груб, как башмак. Я из Генуи родом.
Я смел у руля и на раутах робок.
Возможно, я гений, возможно – кретин.
Мне б в Индию с чёрного хода прийти.

Король с королевой с испанским уклоном
Зовут моряка Кристобалем Колоном,
И даже, случается, с титулом «дон», –
Но мне надоел королевский жаргон.

И слышат в моём итальянском акценте
Семь нот богохульства служители церкви,
И пыль тяжела на моём каблуке,
И якорь, синяя, болит на руке.

Воскликну я: Боже, храни королеву!
Подумаю: Боже, храни каравеллу!
Сошью паруса из заплат на штанах
И выпущу в небо крылатый штандарт.

И вот я с командой своей окаянной
Надёжно затерян в глуши океанной.
Прикушены лунным клыком золотым,
Мы спим, где упали, как спать лишь святым

Положено ночью. А утром, как встанем,
Я в солнце горячее целю сектантом
И карту рисую от грубой руки,
Плюю в океан и гляжу на круги.

Полуденный штить. Червячка заморили.
Но всё ли спокойно на «Санта-Марии»?
Воздушную зыбь языками гребут,
И – чёрт его знает – готовится бунт.

Но мы доплывём, чтобы, вздрогнув красиво,
Увидеть на Индии надпись «Россия»,
На берег сойти и узнать поскорей
Её табаки и её дикарей.

Пространства Австралии новой измерить
И на поцелуе замшелых америк
Увидеть, как по небу с криком летит
На юг белоснежный косяк антарктид.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РЕФЛЕКСИИ

Глядишь, и мы растём и буйствуем, как тундра –
Берёзой-карликом, лишайником да мхом.
Мечты сбываются – но столь карикатурно,
Что ты проходишь, будто с ними незнаком.

Легко в провинции: ужасно и прекрасно.
В стеклянной баночке, где мы заключены,
Всё размножается. И мухи – так же страстно,
Как в дикой Африке огромные слоны.

Мельчайшим дождичком на города и веси
Нисходит поднятый в столице тарарам.
Струя живая, загрязнённая «в процессе»
И вновь «очищенная», попадает к нам.

Уже болезни, излечимые в столицах,
И здесь находят сокрушительный отпор,
Поскольку нету недостатка в специалистах:
Вот ампутатор, холоститель, зубодёр...

По пресловутому таёжному безлюдью
И ваш бастард сообразителен да леп –
Молчит провинция, кормя столицу грудью,
Своим рахитикам размачивая хлеб.

Хлопушка хлопнула! Сиянье воссияло!
Все сладко щурятся – до полной слепоты.
Взгляни сквозь чёрные очки провинциала –
Увидишь истинные контуры мечты.

* * *

Этот день меня снова толкает к обмену, обману,
За спиною стоит, подавая сухие платки,
И несёт по сплетеньям, как девственный лес – обезьяну,
И орешками потчует с грубой солёной руки.

Огляди меня, мама: висят ли где белые нитки,
Есть ли перхоть, сечётся ли волос, на месте ль пятно?
В нашем доме живут всех прекрасных эпох недобитки –
Этим днём лишь и дышим, смирившимся с нами давно.

На холодном свету мы решаем свои заморочки,
Не планируем завтра – не дай бог услышит вчера.
Самоделкины-дети, сиротских кружков самородки
Называют вас папой и дядей, придя со двора.

У меня есть портфель образца сорок третьего года –
Запах эвакуации в недрах его припасён –
Дух чернил довоенных и глаженных банных кальсон.
Как нагрянут – поедем до самого, мама, восхода.

Мама, ладно, что холодно – как было скользко на улице:
Раза три, распозаясь, я выскользнул из-под колёс;
И, единственным днём дорожа, до того изогнулся –
Что, увы мне, утратил наследственный мой сколиоз.

И, прямою спиною по лестницам узким виляя,
Всё глотаю аршин куда не ушедшего дня –
Вот такая вот доля моя и судьба моя злая...
Мама, водку отдай и не бей по загривку меня.

* * *

Мы умрём на базаре, где дорого и многолюдно,
По извечному кругу преследуя вора в толпе,
Что смешался с народом и деньги считает в тепле,
Нахалюга.

Наша гонка, погоня в надежде до гроба на месть
Одному из укравших – неважно, кому и какую:
Ни прилечь, ни присесть,
Ни товару купить, ни с народом завести аллилуйю.

Незаметно
Мы продолжим круженье по рынку в эфирах иных,
Постепенно в густой пустоте увязая под дых
И влипая в киселеобразную вечность момента.

Только пуговка чья-то парит,
И мясные волокна нечаянно выдранных ниток
В запредельном желе представляют товара избыток,
И возможен под честное слово бессрочный кредит.

Бог печально пройдёт вдоль дощатых промёрзших киосков,
Продавца и товара лишённых марксистской мечтой:
Ряд суконный, калашный, игрушечный (страшно пустой) –
Весь улыбкой свиной головы озаряемый остров.

Поудобнее встаньте: я суну вам руку в карман
Ради цели высокой и присно играть в догонялки,
Чтоб рунический знак милицейской резиновой палки
Вечно грезился нам.

Стихи А. Пименова предоставлены А. Ахавьевым.

АЛЕКСАНДР АХАВЬЕВ

Александр Ахавьев (Самосюк). Родился в 1960 году. Художник, поэт, арт-редактор, литературный редактор. Учился на архитектурном факультете Новосибирского строительного института.

Публиковал стихи, рассказы и эссе в газетах, журналах и коллективных сборниках. Является одним из организаторов новосибирской литературной группы «ПАН-клуб», известной в 1990-х гг. своими текстами и перформансами.

Автор книги стихов «Песни о Пушкине» (2006).

ПЕСНЯ О САШЕ ЧЁРНОМ

(Конец времён)

Да. Всякой силе есть предел и мера.
Разрушен будет новый Вавилон
Устами тарантиновского негра,
Перстами белой девушки с веслом.

Не знаю я, что там у вас смешалось
(Да в самом деле, уж не языки ль?),
Но к вам, друзья мои, утратил жалость
Пророк библейский Иезекииль.

Смешались языки? – Ой, не смешите,
Не говорите, что виной всему
Лексические трюки дяди Вити
И тёти Моти подлое «ну-ну».

Жги, жги, гармоника! Не видят и не внемлют
Пророки в наши дни, – об чём и речь.
Лишь Пушкин, обходя моря и земли,
Своим глаголом норовит обжечь.

А девки плещут вёслами на Каме,
А парни удят рыбу из Оки,
При этом, заплетаясь языками,
Уродуют родные языки.

Не вижу я в Кондратах и в Маланьях
Носителей глоссарной чистоты.
Не то чтоб я капризней стал в желаньях –
Желания по-прежнему просты:

Есть, есть и высший суд над вашим братом –
Однажды, если Библия права,
На языке всем и всему понятном
Заговорят и камни, и трава.

«Когда тебя моя коснётся кара,
Узнаешь ты, что имя мне Господь!» –
И дядя Витя в дымке перегара,
И тётя Мотя, пальцы сжав в щепоть,

Исторгнут не слова – одни лишь звуки,
Что в сердце русском навсегда слились:
Где «Аз воздам» – там воздадут и буки.
Я говорю вам как специалист.

И в ходе этой страшной процедуры,
Боюсь, мне не остаться в стороне.
Коснётся и моей кандидатуры,
Хоть речь идёт совсем не обо мне.

Так вот. Когда мычащими рядами
Вы будете под окнами брести,
Моя собака чёрными губами
Скажет мне последнее «прости».

ДМИТРИЙ РЯБОВ

Поэт, драматург, редактор отдела публицистики и драматургии журнала «Сибирские огни».

Родился в 1969 году в Киселёвске Кемеровской области, живёт в Новосибирске.

В 1993 г. окончил Новосибирское театральное училище. Работал в новосибирском театре «Старый дом», Нижнетагиль-

ском молодёжном театре. В 1990-е гг. – заметный участник группы «ПАН-клуб».

Спектакли по его пьесам поставлены в профессиональных театрах в Новосибирске, Харькове, Костроме, Калининграде, Армавире, Димитровграде. Основатель и организатор совместно с Кристиной Кармалитой товарищества сибирских драматургов «ДрамСиб». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Литературный Кузбасс», «Литературный Башкортостан», «Современная драматургия» и др.

Поэтический сборник «Двадцать одно» (1997) и др.

* * *

Не прислоняйтесь к девушкам в метро –
Уж так они устроены хитро,
Что чьё-нибудь упругое бедро,
Прижавшееся к вам как бы случайно,
Вам сделает пронзительно-печально.

Не верьте никому, кроме газет –
От их вранья вреда большого нет;
И, увидав знакомый силуэт,
Не дёргайтесь!.. Подумайте спокойно,
Что вас она, конечно, недостойна...

Поймите – в парке позднью порой
Любой дурак по-своему герой,
Поэтому не ставьте на ребро
Вопрос о том, что счастье быстротечно –
Всё это скучно, потому что вечно.

И мы, наверно, вовсе не умрём,
Когда вдруг неожиданно поймём,
Как хорошо с приятелем вдвоём
Сидеть и пить простой шотландский виски –
Как пел когда-то Александр Вертинский.

НИКОЛАЙ МЯСНИКОВ

Николай Фёдорович Мясников (1952–2012) – художник, поэт, литератор, харизматическая фигура в сибирском художественном андеграунде, организатор сообщества неофициальных художников-поэтов «Белая галерея» (Новосибирск, Барнаул, Горно-Алтайск).

Под знаком «Белой галереи» на грантовой основе было издано несколько поэтических сборников (включая произведения Сергея Дыкова и самого Мясникова) и организован ряд выставок, в том числе персональных, в музеях Западной Сибири. Во второй половине 1990-х гг. проходили авторские вечера в поэтическом клубе при Новосибирской картинной галерее.

Публиковался в журналах: «Сибирские огни», «Дарование», «День и ночь» и др.

Автор книг: «Мои соседи знают о Париже» (2001), «Атлантида» (2004), «Наивное путешествие» (2006).

* * *

Есть длинный монолог, но он не – мой.
Я тоже говорю. Меня не слышат.
Приходят трупы,
Очень громко дышат,
Роняют вилки, бьются головой
Об все углы. И падают затылки,
Словно бокалы перед свадебной толпой.
Небытие,
Но жизнь ещё нужна,
Внутри неё ещё печально тлеет
Нечаянная ниточка одна.

Стихи Н. Мясникова предоставлены В. Назанским.

ОЛЕГ ВОЛОВ

Олег Воллов (1960–2015) – художник, поэт, издатель, коллекционер сибирского андеграунда. Издавал литературно-художественные альманахи «Бестиарий» (1984) и «Зелень» (1988–1991), серию «Архив (по следам русскоязычных поэтов)» (2001–2002), аудиосерию авторского чтения поэтов «Первая девятка» (2002), подготовил к изданию антологии «Маковский» и «Вся сибирская поэзия». Принимал участие в десяти «Диких вы-

ставках» (1988–2008), в том числе двух персональных. Художественные работы находятся в частных коллекциях.

Произведения публиковались в антологиях «Самиздат века» (Минск, 1997) и «Нестоличная литература» (Москва, 2001).

БЕССОННИЦА

Перебираю в памяти тебя
Исправляю черновики
Как много хлама.

* * *

пляска дисгармоний, суета бумаг
тихо тело тонет / маятник / пустяк
намагничу пальцы / нарисую крест
все мы постояльцы этих славных мест

Стихи О. Волова предоставлены А. Метельковым.

ЕЛЕНА РУСАК

Русак Елена Ивановна (1950–2018). Поэтесса. Родилась в Ленинабаде (ныне Худжанд). В физико-математической и химической олимпиаде школьников Восточной зоны СССР, проводившейся в 1966 году, заняла первое место по химии, на основании чего получила рекомендацию № 5401 за подписью

председателя СО АН СССР академика М. А. Лаврентьева для поступления в Новосибирский государственный университет. Училась на факультете естественных наук, экономическом факультете. Работала программистом в НИИ автоматизированных систем планирования и управления, а также коммерческим агентом и главным бухгалтером, занималась индивидуальной предпринимательской деятельностью.

С начала 1980-х гг. принимала активное участие в жизни Новосибирского литературного сообщества. Поэтические сборники: «Открытое письмо» (1998), «Ласточка зима» (2001) и «Третий подсолнух» (2002).

* * *

Яркой тени наскальная проза –
в листьях детства, в руинах, на дне.
Свет небрежен – живой, как заноза,
Как осколок непрожитых дней.
Свод разбегов, развилок, развалин –
паутины мерцающей прядь.
Ты живой. Ты почти нереален.
Вот и всё. Вновь тебе умирать.

Стихи Е. Русак предоставлены Е. Минияровым.

ЕВГЕНИЙ МИНИЯРОВ

Минияров Евгений Мударисович – поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1951 году. Окончил НИИГАиК (Институт геодезии и картографии). Работает программистом. Стихи публиковались в журнале «Сибирские огни», сборнике «Гнездо поэтов» (1989), альманахе «Петрополь» (1990), антологии «Нестолничная литература» (2001) и других изданиях. Участник Фестиваля малой прозы (Москва, 1998). Проза опубликована в антологии «Очень короткие тексты» (Москва, 2000), журнале «Kto zdes'?» (Новосибирск, 2002).

Сборник стихов «Ода математической лингвистике» издан в Новосибирске в 1998 г.

В деревянном городе мы жили.
Мы к воде спускались по деревянным ступеням.
Мы читали книги о том, как пишутся книги,
как они умирают.

В этом городе мёртвые и живые
были попросту неразличимы.
Все часы показывали разное время.
Мы не знали того, что мы живы,

что скрипучая деревянная вечность
потому невзрачна и равнодушна,
что составлена из холодного дыма,
что существует

подобно тому, как в скрипучих тетрадах
существуют слова мастеров превращений
о том, что дерево не умирает,
оно обращается в пепел.

Теперь мы лежим в деревянных гробницах,
и время то появляется, то исчезает.
И кукушка отстукивает наши годы,
и они воистину прекрасны.

Помню, как буквы на деревянных скамейках
в сумерках мы читали на ощупь,
и Наташа улыбалась чему-то.
Больше я ничего не помню.

* * *

вот откроется ореховая шкатулка
октября вот опять извлечётся
неразборчивая записка
буквы частью утрачены а частью
и не буквы а будто бы знаки
так называемого зодиака
и очки куда-то запропалились
врочем если хотите своими словами
я немедленно скажу вам содержание
и не так чтобы срочной но все же бумаги

скажем так: открывается скорлупка
холодает и прилетает синица
на окно ко мне за подайнем
вот вы видите эти знаки
я недаром жил ожиданием чуда
и недаром мне как и вам досталось
время быть собой время помнить
и хранить ненаписанные строки
можно долго молчать потом улыбнуться
и уйти – пока – до завтра
завтра встанет в пышном своём убранстве
и откроет ореховые створки
и приблизит к глазам заветные строки
неразборчивые
далее по тексту

* * *

Халимдаров вошёл в ворота
дома. Напротив сияла
безмятежная пустошь
неба. Пустыней было
это время, два часа пополудни,
вечное время. И Халимдаров
утвердился в сияющей раме
южного, слишком знакомого,
плоского полдня. Давно,
давно это было, слишком
давно, и пустыня,
как водится, поглотила.
Что? Она поглотила
что. Халимдаров.

Ворота дома. Пустыня.
Ничто. Он не помнит.
Никто не помнит, никто.
Во все стороны от этого дома,
от этого полдня – тени,
песок. Халимдаров
входит в ворота дома.

БАЛЛАДА

*Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам пора.
Н. Рерих*

где полдень спит
где голуби, слышавшие шорох
моих подошв,
все разом по наклонной плоскости взлетают,
так что встревоженный дремотный воздух долго
скользит потом неровными пластами, выпадая
в осадок и кристаллизуясь снова
в ажурную конструкцию прозрачной
и золотистой тишины

где ловкий зверь, напоминающий кота – наверно, кот –
шурша, вдруг появляется в траве
и светофорными глазами лжепророка
оттуда светит, а потом выходит
и ставший оловянным свой прижмуривает глаз,
грызёт траву и дёргает ушами,
тетраэдрической вращая головою

с квадратным лбом – бродячий кот окраин
Новосибирска

где свет загустевает, преломившись
сквозь толщу крон прямыми
неподвижными лучами

здесь, в этом переулке, проживает
одна подруга, что сейчас закончит
читать конспекты и окно раскроет в сад

она раскроет, солнечные зайцы –
пушистые, как юные молекулы озона –
попрыгают в траву

но длится

минута и вмещает ожиданье,
мгновенные распады и рожденья частиц,
перемещенье токов по стволам деревьев, перемены
в микроструктуре моего стиха

и я скучаю
и слежу за стреловидным телом самолёта,
который не спеша, солидно
(с непостижимой быстротой)
блестящим животом переползает через зенит,
уходит
а за ним приходит звук –
он запыхался, он отстал от самолёта,
утробным голосом он что-то там буробит

с высоты о том, что надобно спешить туда,
туда, где крутятся весёлые колёса
больших машин,
где,
где
– Пошёл, дурак!
И без тебя всем ясно, что уже
пора, что музыка космического нетерпенья
сжалась перед полётом –
она висит сверкающими лентами
на деревьях и, перемещаясь,
шуршит и как бы заползает
в невидимый пока магнитофонный корпус
нам
пора!
Выскакивает на крыльцо, смеётся,
образовывает мгновенный холод пустоты
за узкою спиной,
вся с золотыми клинописными глазами,
вся
Голуби наверх, наверх уходят,
ударив треугольными крылами,
толкают воздух – тот плывёт, качаясь,
и, скособочившись, заваливается набок,
засыпает снова.

ВЕСТЬ

сомненье птицы, птица сомненья
шорох деепричастных оборотов
весть подобно бесшумной молнии пронизала воздух

который долго ещё колебался как занавеска
источая светлые искры
много ли нужно слов для беззвучной вести
много раз мы принимались за дело
вот дело дошло до осенних просторов
до печальной травы
долгие дни и ночи стояли вертикально
провожая весть глубокими глазами
и она расставляла знаки препинанья среди созвездий
и она была одинока
и она долго летела в глубине осеннего неба
повторя очертанья холмов

МАРТИН МЕЛОДЬЕВ

Мартин Михайлович Мелодьев родился в 1953 году в Новосибирске. В 1975 г. окончил экономфак НГУ. Жил и работал в Академгородке, в микрорайоне Шлюз. С 1990 г. живёт в Америке, последние шесть лет – в Калифорнии, работает программистом. Один из ведущих поэтов клуба «Полуостров».

Автор журнальных публикаций и трёх книг стихотворений: две из них – «Сочетания» (1991) и «Цветной проезд» (2000) – вышли в свет на родине поэта, сборник «Шлюз» (1998) – в США.

* * *

Вот оно, искусственное море:
белый пляж да чёрный окоём.
Приходи! – и ты увидишь вскоре,
как по коже пляжа ходит шторм.
Ты увидишь, как вдоль улиц чёрных:
ни огня, ни блика, ни звезды! –
ветер гонит локоны черёмух
по плечам смарагдовой воды.
Приходи! Побудь со мною, будто
позабытый напрочь аромат.
Сердце бьётся! – так из недр батута
к небесам взлетает акробат.
Приходи...

* * *

В том старом парке, в старом парке,
в том неухоженном углу,
в углу для тех, кому за тридцать,
за сорок и за пятьдесят –
корявы и напряжены,
и в то же время грациозны –
стоят, как в воду прыгуны,
широколиственные и
шорохолиственные клёны.

В том парке нет уже давно
ни девушки с веслом, ни арки,
и белый мраморный олень
растаял в известковом небе,
а на гранитных площадях –

музей Войны: там пушки, танки...
в том парке раньше был цветник.

Итак, у памятника в парке,
где копошилась малышня
в бегущих ленточкой дорожках, –
когда-то раньше был цветник:
вилась настурция, мерцал
табак; душистый цвёл горошек,
из кинотеатра музыка лилась,
играл оркестр и пел солист в атласной куртке
романсы в кинотеатре «Металлист».

* * *

С. Глядинской

Прохладный, как зелёная казарма,
брезентовым июнем крыт пейзаж.
Ещё одно последнее сказанье
календаря запущено в тираж.

Сегодня в роще солнечно и тихо,
стоит «Орбита», в облако смотрясь,
по просеке цветы да земляника;
не за горами август и сентябрь.
Ничья земля. Две ёлки на пригорке...
И не о виноградарства ли днях
летучей филателией эпохи
толкуют блики света на листах.

По просеке, где мы с тобой гуляли,
знакомой до последней стрекозы,

осенним дымом счастья и печали,
платками разноцветными костры
взмахнут, – но это в сентябре.
...Сегодня в роще солнечно и тихо:
стволы берёз, цветы да земляника,
да катерами – тени по траве.

ВЛАДИМИР НАЗАНСКИЙ

Поэт, искусствовед, куратор, арт-критик, путешественник. Родился в 1955 году. Окончил Томский университет и Институт им. Репина Академии художеств. С 1979 по 2006 гг. работал в Новосибирской картинной галерее. Организатор и ведущий поэтического клуба при Новосибирской картинной галерее, действовавшего с конца 1980-х гг. до 2005 г., нескольких поэтических фестивалей и мини-фестивалей. Куратор более чем 400 художественных выставок в стране и за рубежом, один из организаторов Новосибирской международной биеннале графики.

Ныне – куратор программы «Россия в “Эрарте”», реализуемой Музеем современного искусства «Эрарта» (Санкт-Петербург).

Составитель сборника современной угро-финской поэзии «Югорский пояс» (2015).

Публикации в альманахах «Футурум», «Крещатик» и др. Книги прозы: «Византийская виза» (Новосибирск, 1999), «Номады» (Санкт-Петербург, 2000).

Книги стихов: «Холмы» (2000), «Стихотворения» (2008, Китай).

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ ПО СТАРОМУ ТОМСКУ

По улицам кривым, как пятерня старухи,
Заброшенных церковей белеет мутный взгляд,
Чьих выплаканных глаз, заплаканных до жути,
Случайный пешеход стремится избежать.
Бакунин здесь ходил, хрипели вихри ветра,
Острог свой хищный клюв в пространстве заносил
На тысячи замёрзших километров
Распластанной земли, без сил, без крыл.
Колючая звезда мерцала в бороде
Да воля дикая, как лук, сгибала позвоночник,
Чтоб выпрямить потом, чтобы держать в узде
Встающего грядущего подстрочник.
Вдруг чудится мне за спиною чей-то крик,
Вот я по спуску Разина иду,
Подняв от ветра воротник,
И мысли путаются на ходу.

* * *

Город знакомых лиц,
Город привычных улиц,
Тихо иду, ссутулясь,
Не замечая лиц.

Падает тихий снег,
Зыблется мягкий свет,
Опускается на берет
И лежит там, как оберег,
И холодит сквозь ткань
Мой затылок длинноволосый,
И задушивает папиросу
Made in Тмутаракань.
Опускается тихий снег,
Словно ели слышимый вздох,
Так нисходит на землю Бог
Над течением чёрных рек.
Сохрани меня, тихий снег,
Раствори меня, белый свет,
И в реке скоротечных лет
Охрани меня, оберег.

* * *

1.
Всё чугуннее звук нарастает колёс,
«Возвращаюсь я в город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз»,
Оглушительней всё звук чугунных колёс.
Нет, увы, не Нева, Петербург, Ленинград –
На Оби всем известный стоит город-сад;
Там прекрасные пятна плывут по реке,
И заводы красиво дымят вдалеке.

2.
Здравствуй, милая родина! О, как я рад!
Я забыл Петербург, Петроград, Ленинград,

Горьковатый твой воздух вдыхаю стократ.
Я на глине, намазанной на тротуар,
Онемев, созерцаю Вилкойский бульвар,
И клубится дыхания пар.

* * *

*В. Тунгулину,
реставратору храмов*

В своих скитаниях земных
Мой старый друг осел в Кашире,
Здесь, где печаль ясней и шире,
Средь повседневных дней простых

Он сохраняет в сердце нить
Глубинного самосознания,
Словно невидимое зданье
Над головой его висит.

Он в очарованном пути
Не знает следующего шага,
Не Пикассо и не Сутин –
Провинциальный бедолага

С неясной тайною в груди,
Выходит утром на пустырь,
А за Окою, впереди,
Белопесоцкий монастырь.

ВЛАДИМИР СВЕТЛОСАНОВ

Поэт, переводчик. Родился в 1957 году. Окончил филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Учитель словесности в гимназии № 13.

Публиковался в журналах: «Сибирские огни», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Футурум Арт», «Новая юность», «Иностранная литература» и др. Участник «Антологии современной британской поэзии» (2007).

Автор трёх книг: «Стихотворения» (1997), сборника переводов лирики грузинского поэта «Сестру назову тишиной» Терентия Гранели (2001) и книги переводов англоязычной поэзии «От Донна до Одена» (2007).

СОЛОТЧА

(сорок слов)

Помню сосны Солотчи, стеклянный скелетик полыни,
Полынью одиночества в небе, как в белой пустыне,

Кругосветную посолонь, тихие лунные канты,
Око ближней Оки, руки матери божьей Оранты,

Хор далёкой Мещёры, и галочий крик, и сорочий,
И рязанскую Хлою, колючую хвою Солотчи.

* * *

Естественная речь – её лишь только надо
Направить чуточку и чуточку прибрать.
Живая изгородь, словесная ограда
Вокруг тебя сама начнёт произрастать.
Ты шибко не мешай, прислушивайся, слушай –
Когда услышишь треск, знай, ветер покачнул
Конструкцию. Но ты не дашь ему разрушить
Ту интонацию, какую Бог вдохнул...

* * *

Крымских ночей крепостные певицы, цикады,
Ваших жалоб на жизнь я наслушался нынче сполна.
Крепкий чай заменяет с достоинством терпкость вина,
И в саду у окна темнота громоздит колоннады.

Свет зажечь я не в силах. Бессонница точит висок,
Молчаливый точильщик, гнездящийся в сумрачном свете
Моего одиночества. Молча смотрю в потолок,
Где грибница вселенной пуста, как рыбацкие сети.

Я б не думал о смерти, до боли сжимая виски,
Не заваривал чай в пожелтевшем стакане гранёном,
А уснул бы в саду, где невидимым в сумраке кронам
Те незримые корни близки.

Я б не думал о смерти, дождавшись мгновенья, когда
Исчезает в висках неосознанной накипью жженье
И рождается смысл, щедро жалуя раз навсегда
И цикадам, и мне долгожданное раскрепощенье.

МОЛИТВА

О продлении жизни,
О радости, нежности, радужности,
О спокойной работе,
О скромной невидимой трапезе,

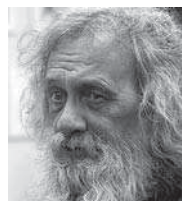
О вечерней беседе,
О вере и верности каждого,
О любви и надежде,
О жизни почившего, павшего.

О чернеющей вечности ночи, идущей оврагами,
О звезде одинокой, над куполом тихо истаявшей,
О свече, наклонённой незримою тёмною тягю
И сгоревшей от горя, как будто сгоревшей от радости.

О спустившемся снеге на крыши посада и пажити,
О дорожке, ведущей монаха от кельи до кладбища,
О несчитанных галках, о чём-то кричащих, гадающих,
Сколько горя и счастья в грядущем нашествии вражеском.

О святой и невинной, в грехах уличённой и заживо
Погребённой под глиною лжи и презренья, и фальши, и
О всех ныне гонимых, травимых и проклятых раньше, и
О идущих навстречу, таких же, как все уходящие,

Я прошу чудотворца игумена Сергия Радонежского.

МИХАИЛ ДРОЗДОВИЧ

Поэт. Родился в 1955 году в Новосибирске, в филологической семье. В юности общался в кругу таких молодых поэтов, как Ростислав Ростовцев, Андрей Гловацкий, Виктор Распопин, Владимир Назанский, Александр Маллаев, Мартин Мелодиев и др. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института. Работал тренером по фехтованию в «Спартаке», работал на кафедре советской литературы в НГПИ (НГГУ), в газете «Новая Сибирь» и др. местах.

Публиковался в журнале «Мангазея» и альманахе «МАКOVSCiY».

кто уезжает бог судья
кто приезжает бог простит
а мы на месте с нами бог
и мы верны его заботам
его печальным поворотам
вокруг сияющей оси
ты если хочешь попроси
а я останусь при своём
но не настаивай на браге
на браке дел его
проси не на бумаге

бумаги не дойдут
бумаги затеряются в пути
иди смотри как пуст его архив
как он похож на архиерея
он также никого не греет
не существующий вне уст
но вверх влезая по оси
по скользкому столбу за сапогами
я знаю с нами бог бог с нами

АНДРЕЙ ЩЕТНИКОВ

Щетников Андрей Иванович. Родился в 1963 году.

Поэт, переводчик поэзии с английского, испанского, украинского языков, педагог, издатель: уже 20 лет «Артель “Напрасный труд”» издаёт малыми тиражами стихи новосибирских поэтов.

Окончил физический факультет Новосибирского государственного университета в 1986 г. Историк точных наук, инициатор образовательных проектов, автор более 250 видеороликов по физике GetAClass. В 2000–2002 гг. – главный редактор литературного журнала «Kto zdes'?». Публиковался в журналах: «Иностранная литература», «Уральская новь», «Дети Ра», «НЛО», «Знамя», «Дружба народов» и др.

Книги стихов: «Сиянье глубин» (1998), «Между ударами сердца» (2001), «Проект Манхэттен» (2002), «Ибо абсурдно» (2017), «Улица Мичурина» (2018) и др.

НОВЫЙ САД

Гале Савинцевой

Я отрицаю фокусы поэзии.

Я с интересом рассматриваю одинокую лампочку без абажура:
можно подумать, что в ней есть что-то женское,
ибо она знает, что такое полный телесный утол
и ожидание вечера.

Я – этот мальчик с птичьим пером на старой фотографии;
моим родителям здесь столько же лет, сколько мне сегодня.

Я старательно вывожу эту строку зелёными чернилами:
она станет контуром книжки-раскраски
для самых маленьких,
для тех, кто спит, улыбаясь,
и сосёт во сне указательный палец;
для тех, кто наблюдает в окно вагона
Альдебаран и Кассиопею.

С сайта <http://nsk.rifma.ru/lib/zema/sha/1/index.php?i>.

ЭСТАМП № 1

Неожиданное на первый взгляд предположение о том, что Иван Петрович Непейвода является вымышленным существом, обрело себе в нашем небольшом городке многочис-

ленных сторонников. «Ну и что с того, что он рыжий? – рассуждали одни. – Это ведь и ежу понятно: никто общей судьбы бежать не моги, все там будем». «Поживём – увидим, время всё расставит на свои места», – глубокомысленно подмечали другие, поплёвывали на палец и пытались определить, откуда ветер дует. И только жители Заячьей Горки в обыкновении своём молча разводили руками... но с них и взять-то нечего.

А Иван Петрович тем временем взял удочку и сачок, пошёл на рыбалку и, наверное, утонул. Он был настоящим литературным героем, этот Иван Петрович. «Быть или не быть?» – такого вопроса перед ним не стояло.

«Эстамп № 1»: антология «Фуцурум АРТ».

БОРИС ГРИНБЕРГ

Гринберг Борис Хаимович. Поэт, прозаик, драматург (псевдоним – Рис Крейси). Родился в 1962 году.

«Обычные» и палиндромические стихи печатались в десятках журналов. Большие подборки комбинаторных и палиндромических стихов в «Антологии русского палиндрома XX века», «Антологии русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии», двухтомной антологии «Русские стихи 1950–2000» и др.

В журнале «Крещатик» за 2002 г. опубликован роман «Своя планета» (под псевдонимом Бред Фазер). В сборниках и журналах напечатано несколько рассказов. Пьесы также публиковались в различных журналах и сборниках, ставились в десятках нерепертуарных театров от Красноярска до Праги.

Автор поэтических книг «Год дракона» (1990) и «Ты» (1992), книг палиндромической и комбинаторной поэзии «Опыты ПО» (2000) и «Ас реверсА» (2008), а также книги «обычной» и комбинаторной поэзии «Избранные» (2015).

ТРИПТИХ

1

с горизонта человек
смотрит на меня и думает: –
с горизонта человек
смотрит на меня и думает: – ...

2

рассматриваю старую фотографию
где я
рассматриваю старую фотографию
где я

где я?

3

Подумал – «Любишь ли?»,
А мимо люди шли...
Подумал – люди шли,
А мимо – «Любишь ли?».

ЮРИЙ БЕРНАДСКИЙ

Бернадский Юрий Иванович, 1960 г. р., – поэт, журналист, генеральный директор МАРП, президент Новосибирской городской торгово-промышленной палаты.

Стихи для детей Юрия Бернадского рекомендованы для внеклассного чтения в младших классах школ.

Книги: «Кто гудит в печной трубе?» (2015), «Обычайная Русь» (2017) и др.

ПЛАКУН-ТРАВА¹ (Ярило)

По прудам заглохшим, в захолустье где-то,
Где к воде склонились низко деревá,
Зацветёт поближе к середине лета
Белая кувшинка – одолёнъ-трава².
Путникам укажет верную тропинку,

¹ Плакун-трава – в русских духовных стихах упоминается как «всем травам мать», чародейное средство, позволяющее повелевать духами, преодолевать нечистую силу, заставляет плакать бесов, отождествлялось с различными растениями: дикий василёк, иван-чай, дубняк, побережник, кипрей, луговой зверобой, тройчак, твердык, махорка и др.

² Одолёнъ-трава – так называли на Руси белую кувшинку – обладает даром охранять людей в дороге, обворожить возлюбленного, успокаивает нервы, спасает от зубной боли.

Чтоб в лесу дремучем им не заплутать...
Положу в котомку белую кувшинку,
Соберусь в дорогу, лишь начнёт светать.
Я с плакун-травую ладанку надену,
От беды неожиданной чтоб уберегла.
Спозаранок солнце на опушке встрену,
Чтобы этим утром сказка ожила.
Подсобит багульник¹ мне собраться с силой,
К заповедным рощам долгий путь начать...
На коне на белом древний бог Ярило²
Выедет из лесу новый день встречать.
Где пройдёт Ярило, станет чуть светлее,
Голову закружит ароматом трав.
А в глаза посмотрит – без вина хмелеют
Девыцы, а парни усмиряют нрав.
Пёстрыми цветами вышита рубаха,
На кудрях на русых полевой венок.
А ударит в бубен со всего размаха –
Ноги сами пляшут, не удержишь ног.
Гармонист – бедовый парень на вечёрке –
Развернёт тальянку, да во все меха.
Подсоби, Ярило, каждой чтоб девчонке
По любви, по сердцу встретить жениха.
Молодец удалый, идол босоногий,
Всеми позабытый, вечно молодой...

¹ Багульник – кустарник семейства вересковые, обладает сильным, терпким запахом, убивает вредных для человека бактерий, настой помогает избавиться от кашля.

² Ярило – древний славянский языческий бог, дух солнечного света, олицетворение расцвета природы, символ плодородия, ярой силы; праздник Ярилы – 5 июля.

А на перепутье заросли дороги
Жгучею крапивой, пыльной лебедой.
Не играют гусли, не поют свирели,
Шелестит невнятно лишь плакун-трава...
Голос твой далёкий слышу еле-еле,
Сторона родная... Ты ещё жива?

ПЕРВОЦВЕТ³

Поднялась на сажень речка.
День весенний – у крылечка.
Начал петь сверчок за печкой
В Ледолом⁴ второго дня.
В гости к нам из придорожья,
Словно бусинка лотошья,
По руке коровка божья
Покатилась, семена.
Со времён царя Гороха
Душу греет эта кроха.
Значит, всё не так уж плохо,
Не случайно и не зря...
По чуть-чуть – видать, не к спеху –
По ладошке чешет кверху,
Малым детям на потеху
И на радость матерям.

³ Первоцвет (примула) – здесь: самый первый весенний – подснежник или мать-и-мачеха.

⁴ Родион-Ледолом – Родион – Гремучие воды – 21.04. Половодье в разгаре, «а веиние воды и царь не уймёт». День памяти святого Иродиона (ученика апостола Павла, странствовал, проповедовал при императоре Нероне).

В Пúдов день¹, в свиданье скором
С лугом, садом или бором,
Полетит за медосбором
«Божья пташечка» – пчела.
И с оглядкой на погоду²
Из омшаника колоду²
Вынимают на свободу
До весеннего тепла.
На опушке на рассвете
Первой весточкой о лете
Мать-и-мачехи соцветья
Будто лампочки зажгли.
Недра настезь отворяя,
По весне часы сверяя,
Потечёт, густой, играя,
Мёд янтарный – сок земли.
Век цветка не очень долог, –
Из-под листьев и иголок,
Где берёзовый окóлок
И на солнце бугорок,
Там, где зеленеет робко
Пóля вспаханного бровка, –
Золотистая головка,
Невысокий стебелёк,
Пробивая грунт сопрелый,
Распускается несмело

¹ Пудов день – 28 апреля, когда доставали пчёл из-под спуда. День памяти святого Пуда, римского сенатора I в., проповедовавшего христианство и обратившего свой дом в церковь.

² Колода – улей с пчёлами, который вынимали из омшаника (зимовника), выставляли на солнышко в тёплый апрельский день. 30 апреля, на Зосиму-пчельника, – начало медосборного сезона.

Лист сердечком, снизу – белый,
В бархат пепельный одет,
К шалостям весны готовый –
Бесшабашный и бедовый –
С лёгким запахом медовым
Золотистый первоцвет.

ПОЛЕВИК³

*Мал, сукул, но всё ж не плачет.
За́ день поле всё обскачет,
К но́чи в избу прибежит,
Год под кровлей пролежит⁴.*

У межи, у разнотравья,
Под берёзкой в холодок,
Спелым колосом играя,
Отдохнуть присел дедок.
Неказистого пошиба,
Ликом чёрен, волосат,
С хитрецей шныряют живо
Разноцветные глаза.
Из зелёных трав волосья,
Из колосьев – борода...
Птах лесных разноголосье,
Серых туч вдали гряда...
В день какой, какого лета
На пути моём возник

³ Полевик – житный дед, жицень, гречуха (плутень, моталка), по русскому народному поверью, полевой дух, – охранял в поле жито и урожай с весны до осени.

⁴ Курсивом – русская народная загадка (серб).

В стороне родимой где-то
Жита сторож – Полевик?
По народному поверью,
Ты моргнул – его уж нет.
Не тревожь его без дела,
Коли дремлет у межи.
Если рожь не поредела –
Пусть хоронится во ржи.
Неприметен, осторожен –
Нелюдь! Что с такого взять...
Полевик с обиды может
Все хлебá перевязать.
И тогда ячмень в пшенице
Не дай бог заколосится.
Ходит Плутень колесом,
Перепутав рожь с овсом.
Чтобы Дедушку поправить
И отвадить от греха,
Безголосого оставить
Надо в поле петуха
Да яичек, сколь не жалко, –
Пусть кормилец пожуёт.
Не мотает пусть Моталка,
И повой¹ хлебá не вьёт.
Не печалит хлебороба
Василёк – плакун-трава².
Деда Житного хвороба

¹ Повой – вьюнок (др. народные названия: повитель, попенок, повитуха, повилика, житожелдь), сорняк.

² Василёк – плакун-трава (др. народные названия: черлок, блаватка, во-лошки, лоскутница, синовница, синецветка) – один из наиболее распространённых сорняков на зерновых полях.

Пусть не тронет и молва.
Будет колос наливаясь,
Растопорщатся «усы»...
Перепёлка целоваться
Будет с капелькой росы...
А когда в окно стучится
Хмурой осени озноб,
Норовит в страду укрыться
Полевик в последний сноп.
Потому со всем стараньем
И с поклоном до землі,
Нарядив его, крестьяне
С песней в житницу несли.
Сноп тот бережно хранили,
Не пуская в обмолот...
Больше всех богатств ценили
Хлеб и труд – всему оплот.
И мужик, нуждой учёный,
Зимним утром нёс в овин
Пару яблочек мочёных
Деду Житному в помин.
Чтобы он в потёмках где-то
Не зачах, не заскучал
И на будущее лето
Хлебороба привечал.

Представленные стихи взяты из книги «Обычайная Русь».

СТАНИСЛАВ МИХАЙЛОВ

Поэт, режиссёр, редактор. Родился в 1962 году в Свердловской области. Окончил Алтайский государственный институт культуры, факультет режиссуры.

Начинал режиссёром в ДК «Металлург», работал на Новосибирском радио, был редактором отдела поэзии в журнале «Сибирские огни».

Одновременно – заметный участник неофициальной литературно-художественной жизни. Неоднократно выступал в «Доме Цветаевой» и на поэтических вечерах в Картинной галерее. Стихи публиковались в журналах: «Мангазея», «Сибирские огни», «Крещатик», «Новая юность» и др. Михайлов ведёт образ жизни свободного поэта. Его новые стихи широко распространены и комментируются в социальных сетях.

Автор книг: «Июлия» (1991), «Три сапога пара» (2017), «Долго ли, коротко» (2017), «Римские поселения» (2019).

В. Миллеру

Устаю глядеть на небо серое,
Серые, сырые терема.
Серый сквер на Гоголя, наверное, –
Баня, биржа, мэрия, тюрьма...

Скажете, пустые суеверия,
Кафкианство гуще клеветы,
Повернул к вокзалу – снова мэрия
Несказанной серой красоты.

Здесь собаки бродят – зимы злющие.
Кашляют прохожие в лицо,
Хорошо хоть, девушки цветущие
Покурить выходят на крыльцо.

Не шарманщик, так фотограф с птичками,
Жалкий, как заезжий шансонье,
Хвастает столичными привычками
И знакомством с местным пресс-папье.

Все бараки и кусты «зафотаны»,
Оперный театр на всех столбах.
Женщины вразнос торгуют кофтами –
Детством Тёмы в серых двух томах.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении,
Несмотря на весь кордебалет,
Н-ск – не серый город, а сиреневый,
Серебристо-синий на просвет.

* * *

Мне твои брови не нравятся – узкие, злые.
Пальцы холодные, волосы цвета лисицы.
Будь у меня две легавые или борзые,
Я бы не пил молока и не ел чечевицы.

Варваром жил, окружая кострами ночевье,
С варваром дрался и пил мировую по кругу.
Братьями стали б текущие в небо деревья,
Хлебом – танцующий уголь.

Платья твои я бы отдал цыганской ораве.
Родинки, кожу гусиную, татуировки
Выменял на чернокосую бабу без правил –
Дети чумазые будут от черноголовки.

И обучал бы их не в эпицентре культуры,
В кадровом центре доярок – ленивых отличниц.
Жили бы счастливо дочери – круглые дуры,
Дочери их бы, вестимо, учились на птичниц.

Серая, старая, серая степь дождевая.
Туча, ползущая грузно по краешку рая.

Чёрные куры и жизнь простая, как просо.
Чёрные кудри, чернее столетнего граба.
Только откуда у птички моей чернокосой
Правнучка вылезет, надо же – курочка-ряба?

Вот и не верь после этого в бабушку Вия,
Все мы в одной хлебопечке, одной тестомеске.
Брови не нравятся мне твои – узкие, злые,
Куры не нравятся, дактиль в слепом переплеске.

Представленные стихи – из журнала «Сибирские огни».

ЮЛИЯ ПИВОВАРОВА

Юлия Леонидовна Пивоварова – поэтесса, дочь поэтессы Жанны Зыряновой. Родилась в 1966 г. Первая публикация – в журнале «Сибирские огни» в 13 лет. Училась на Высших литературных курсах. Работала осветителем в Новосибирском театре оперы и балета, редактором в журнале «Горожанка», сотрудничала на радио, подрабатывала в новосибирских газетах.

Публиковалась в журналах: «Юность», «Знамя», «Сибирские огни». Считается одной из самых известных поэтесс Сибири.

Автор поэтических книг: «Теневая сторона» (1989), «Охотник» (1993), «Шум» (Новосибирск, 2017), «Тон» (Кемерово, 2019).

* * *

Это небо ночное в снегу
До краёв переполнено вьюгой.
Царь небесный мечтает: «Сбегу
Из дворца и смешаюсь с прислугой».
Ветер гимны поёт никому,
Всюду пахнет подобием бунта,
И, склоняясь к тебе одному,
Я совсем исчезаю как будто.
И, сама выбирая наркоз,
Не спеша становлюсь нелюдимой.
И вдыхаю сибирский мороз
Через фильтр сигаретного дыма.

* * *

А ну давай, читай письмо пустое,
Возьми своё от белой пустоты.
А мы цветы, мы умираем стоя.
Красивые весёлые цветы.
Мы окружаем сталинские клубы,
Мы убегает за пределы клумб,
А наши нежно-розовые губы
Нежней и розовее прочих губ.
А ну давай, дождись воды отстоя,
Возьми своё от влажной темноты.
А мы пришлём тебе письмо пустое.
А ты нам не ответишь.
Мы цветы.

РОМАНС

А речка – Дурочка – замёрзла.
И речка – Умница – замёрзла.
И стая птиц – ворон – замёрзла.
И это дерево – берёза – замёрзло.

А взялся лодочник за вёсла,
Его рука к волне примёрзла.
И на окне моём мимоза
Замёрзла.

А пасечник из лесу мёд слал
Своим родным в далёкий город.
Как долог путь. Стучат колёса.
Но всё замёрзло, всё замёрзло.

Дорогу перерезал холод
И триста градусов мороза.

А речка – Дурочка – замёрзла.
Ей всё равно, она растает.
И речка Умница растает.
И птиц ворон растает стая.
И всё растает, всё растает...
А я растаю? Я растаю?

ЛАДА ПУЗЫРЕВСКАЯ

Поэтесса, эссеист. Родилась в 1969 году в Новосибирске, выросла на Дальнем Востоке, жила в Новокузнецке, Санкт-Петербурге и других городах. В 1995 году окончила Новосибирскую государственную академию экономики и управления, большую часть трудовой биографии посвятила часовому бизнесу. Стихи публиковались в журналах: «Нева», «Сибирские огни», «Ковчег», «Дети Ра», «Аэрополис», газетах: «Литературная газета», «Вечерний Новосибирск», альманахе «45-я параллель» и др.

Стихи Л. Пузыревской известны в сетевом пространстве.

Автор трёх книг: «Маэстро полуправды невсерьёз» (2004), «время delete» (2009) и «Последний десант» (2010).

ЭТОТ ГОРОД МНЕ НУЖЕН

На каком-то этапе сольются и шёпот, и крик
в безупречное эхо, потянет из прошлого гарью,
и никто не ответит – за что и на что нам подарен
обесточенный город, где даже рассвет не искрит –
дело к осени, darling.

Дело снова к дождям, научившим нас страх кабалы
сонно путать с прогнозом погоды и истово мёрзнуть,
не оставив следов, уходить в гуттаперчевый воздух,
что беда, что вода, да по-прежнему жмут кандалы –
заменить бы, да поздно.

Прорастая Сибирью, сбиваясь с разменных «увы»,
постояльцы кедровых закатов, привычные к кляпу
нарицательных истин – вы поздно снимаете шляпу
перед звонким безмолвием, раз не сносить головы,
раз пошли – по этапу.

На какой – посошок?.. Наугад бы разбавить вино –
не живой ключевой, а обычной водой из-под крана,
вряд ли это побег – из себя, по-московскому – рано,
по-сибирскому – самое то... Слышишь, вызови, но –
не такси, а охрану.

Что бы там ни версталось впотьмах, а не спят сторожа,
стерегут, опрометчивых, нас – и от взмахов напрасных,
и от звона кандалного – видишь колонну на Красном?..
До последнего за руки держат, а руки дрожат –
здравствуй, город мой, здравствуй.

Там – не верят слезам, здесь чужим не прощают обид,
Старый мост от влетевших по встрече всё уже и уже,
приасфальтовый ветер с сомнением смотрится в лужи,
но залётные сны быстротечны – как солнце в Оби...
Этот город мне нужен.

ИЕРОГЛИФ

Просыпаясь случайно, не подойдёшь к окну,
не зажмурившись –
там такое, глядь, мураками.
Не забудь меня здесь и не оставляй одну
на весу разводить несусветную тьму руками.

Мне ли мёртвые сны рассаживать по плечам,
не умеющей толковать, токовать, молиться?..
Чай всё крепче – шафран, бергамот, Melissa,
всё едино – февраль не сахар, печаль-печаль.

Пусть не винные карты стопочкой на столе,
злое сердце уже не выдержит дележа, блин,
зги не видно до марта, а я не была сто лет
в тихом городе, где паркуются дирижабли.

Заметённые тёмным улицы всё стройней,
голосуют в ночь то ли призраки, то ли тени.
Помню, как провожала –
видно, не долетели,
заблудившись в по пояс белой моей стране.

Не прикроет в метель стеклянная береста –
у нечитанных книг страницы дотла продрогли,
и письма не напишешь –
как буквы ни переставь,
получается индевеющий иероглиф.

ТЁМНЫЙ ЛЕС

Она говорит: я выращу для него лес.
А он говорит: зачем тебе этот волк?..
Не волчья ты ягода и, не сочти за лесть,
ему не чета. Он никак не возьмёт в толк,
что сослепу просто в сказку чужую влез.
Смотри, говорит: вон я-то – совсем ручной,
а этот рычит недобро, как взвоят – жесть.
И что с него проку? И жемчуг его – речной,
и в доме – опасность, слёзы и волчья шерсть.
Она говорит: но росшие взаперти –
мне жалость и грусть, как пленные шурави.
И кто мне, такой, придумывать запретит
то небо, в котором – чайки. И журавли...
А он говорит: но волк-то совсем не в масть,
он хищник, не знавший сказочных берегов,
и что будешь делать, когда он откроет пасть,
ведь ты не умеешь, кто будет стрелять в него?
Она говорит: а я стану его любить,
взъерошенным – что ни слово, то поперёк,
больным и усталым, и старым, и злым, любим.
А он говорит: а волк твой – тебя берёг?..
Как в «верю – не верю» играют на интерес,
ничейная жизнь трепещет, как чистый лист.

Но сколько осилишь ведь,
столько и пишешь пьес,
ищи свою сказку, их всяких здесь – завались.
А волк всё глядит и глядит в свой далёкий лес.

ИГОРЬ СИЛАНТЬЕВ

Поэт, доктор филологических наук, профессор, главный редактор научных журналов «Критика и семиотика» и «Сибирский филологический журнал». Работает в Новосибирском государственном университете.

Родился в 1960 году.

Стихотворные подборки публиковались в журналах: «Крещатик», «Волга», «Сибирские огни», «Просодия», «Футурум АРТ», «Дети Ра» и др., проза – в журналах «Звезда» и «Квадрига Аполлона».

Вышли в свет три сборника стихотворений: «Жизнь легка» (2015), «Непереходный» (2016), «Эклоги» (2017) и книга короткой прозы и стихотворений «Вагон-ресторан» (2018).

* * *

Ночью по дереву рыба летит.
Вниз хвостом, головой вверх.
Дерево слышит, не может понять.
Брошено счастье к его ветвям.

Плавник стучит. И ветер бьёт.
Стынут звёзды каплями тьмы.
Сердце дерева тонет в огне.
Счастье такое зачем-то дано.

Катит по небу рыбий глаз.
Громом неровным, будто луна.
Дышит дерево рыбьим хребтом.
Рёбра на плоский легли мир.

Вот и разгадка. Заснуть нельзя.
Жизнь порогом ступила к земле.
Гул древесный возносит ночь.
Рыба в небесной горит голове.

* * *

Подожди минутку. Я сейчас вернусь.
Только прыгну зёрнышком со стола
И в подполье свалюсь, в темноту.
Там меня схватит зубамимышь,
Но не съест, а утащит из дома вон,
У норки уронит в ручей.
И влага проникнет в поры мои.
А вольный поток увлечёт в поля.
В густой солнечный жар.
Там птица вдруг поднимет меня,
Но не проглотит, а вдаль унесёт.
Бросит в свежую борозду.
И я прорасту корнями вниз,
А стеблем отчаянно вымахну вверх
И достану до облаков.

И встречу птицу, а в земле сырой
Встречу шорох мышинных усов.
Ты меня всё ещё ждёшь?

АНДРЕЙ ЖДАНОВ

Поэт. Родился в 1967 году в Новосибирске. Публиковался в журналах: «Лира Кавказа» (Пятигорск), «Воздух» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Союз писателей» (Харьков), TextOnly и др., альманахах «Между», «Кто Здесь?», антологии «Нестоличная литература» (2001), сборнике «Это будет бесконечно смешно» (2016).

Автор книг «Была вежа падающей листвы» (2015), «Сонеты» (2016), «Дельфин» (2017).

* * *

Тамбов, Тобольск...
Ялуторовск я знаю, я там был.

На самом деле, есть они иль нет их – неважно,
это просто дыры
в пространстве и сознании того,
кто вдруг рискнёт задуматься об этих городах.

Там – говорят – по улицам гуляет страх, как ветер.
Да, там уже и грабить некого давно –
старух да иностранцев только.
В свете последних новостей из области кино,
когда на несколько вопросов Президент ответил,
глобальный минус должен превратиться в плюс,
все подлецы отправятся на вертел, в вертеп войдёт,
минуя санкции, Иисус, и будет всем не то чтоб рай,
но манна точно хлынет потоком неуёмным
в подставленные рты, что хоть беги обратно в гроб.
Такой начнётся праздник, что
мёртвые от зависти воскреснут.
Ты готов?

Таков, наверное, Тамбов.
Или Тобольск...
Ялutorовск я знаю, я там был.

АНДРЕЙ ВЕРХОВ

Поэт. Родился в 1969 году на Украине, с детства живёт в Сибири: сначала – в Томске, потом – в Новосибирске. Печатался в новосибирских альманахах «Между» и «Речпорт», московском журнале «Знамя».

* * *

ах механик ты механик
ручки пятипалые

разбери меня механик
на детальки малые

разбери меня кме ха
на лькидет а а лыем

аха мек ни хаха мек
на чкипа тып ялые

* * *

сия катерина прекрасна
я так сам себе говорил
хоть есть катерины ужасны
сия катерина прекрасна
но страсть моя будет напрасна –
сия катерина бесстрастна!
холодной и страшно бесстрастной
ты боже её сотворил

ПЁТР МАТЮКОВ

Поэт. Родился в 1971 году в Новосибирске, школьные годы провёл в Нижнем Тагиле. Окончил Новосибирский государственный университет. Живёт в старинном городе Бердске, работает программистом в Новосибирском академгородке.

Печатался в журналах: «Дружба народов», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «После 12», «Химия и жизнь», «Порог».

* * *

А парашют раскрылся под землёй...
Хотя бы так. Спасибо и на этом!
Обычный вечер, смешанный с зарёй,
Захлопнулся за брошенным поэтом.

И сослепу к нему пришли кроты
И тихо клали маленькие лапки
На грудь и лоб. Посланцы темноты –
Кроты имеют странные повадки.

Недоставало нескольких вещей...
Начать с оркестра – не было оркестра:
Тарелок, труб, гармошек... скрипачей.
Чудной не пританцовывал маэстро.

Не приближались очередь рты,
Наполненные грустными речами,
Зато кроты, зато кроты – кроты
С печальными-печальными глазами!

И маленькие лапки на груди,
На теле, в парашют смешно одетом.
Не торопись ругаться, погоди...
Хотя бы так. Спасибо и на этом!..

АЛЕКСЕЙ ЕРОШИН

Поэт, дизайнер. Родился в 1972 году. В 1991 г. окончил Тогучинский лесохозяйственный техникум, работал в Новобибеевском лесничестве. В 1996 г. поступил на отделение киноvideотворчества в Новосибирский областной колледж культуры и искусств, где изучал историю кино, основы режиссуры, сценарного, операторского мастерства и фотографии по программе ВГИКа.

Автор множества публикаций, как стихотворных, так и прозаических, в журналах, альманахах и коллективных сборниках.

Книги стихов для детей: «Прятки» (Новосибирск, 2009), «Я гулял на облаках» (Новосибирск, 2013).

ПОЛНОЧЬ. XXI ВЕК

Снится мне или не снится,
Это сон или не сон –
Тянет песенку возница
С бубенцами в унисон.
Солнце стрелы в тучи мечет –
Гаснет хмурая заря.
В клочьях туч клекочет кречет,
По-над пустошью паря.
Смачно чавкает грязница
Под колёсами возка.
Воют волки, в поле рыща.
В сердце смертная тоска.
Стонут стёртые ступицы
Скучной скрипочкой сверчка...
«Эй, возница... Эй, возница,
Что там видно с облучка?»
«Что? Ни чёрта и ни Бога.
Ровным счётом – ни черта.
Всё тоскливо и убого,
Сумрак, сырость, нищета.
Ночи длинны, дни коротки.
Тьма черней, виски белей.
Не прикажете ли водки?»
«Хорошо бы, брат... Налей...»

Снится мне или не снится –
Смолк бубенчик под дугой.
У меня другой возница,
Да и я совсем другой.
Паровоз глотает вёрсты,

Голосит сквозняк в щели...
«Эй, куда меня завёз ты?
Что там видится вдали?»
«Да извольте глянуть сами
Из вагонного окна.
Меж землёю с небесами –
Грязь, ненастье, даль темна.
Ничего не примечаю,
Ни звезды, ни огонька...
Не прикажете ли чаю?»
«Лучше, братец, коньяка...»
Снится мне или не снится –
Самолёт замедлил бег.
Тьма и дождь...
«Мы где, возница?»
«Полночь. Двадцать первый век...»

МАРИЯ ДУБИКОВСКАЯ

Поэтесса, филолог и психолог по образованию, специалист по рекламе по профессии. Родилась в 1976 году.

Направления творчества: лирика, поэзия для детей, юмористические стихи, авторская песня, переводы. Участник сибирских и российских литературных семинаров. Куратор новосибирского культурного центра «Дом Цветаевой».

Автор сборника юмористических стихотворений «Очень женское» (2009), псевдоним в Сети – «Сёстры Карамазовы».

Я СОВСЕМ НЕ ГОТОВА К ЗИМЕ

Я совсем не готова к зиме.
Золотое вино не допето.
Не проложены тропы измен
Жарко-рыжему с пепельно-светлым.

Не уложены строки в строфу,
Недопито кино поцелуев.
Хоровод сарафанов в шкафу
Укоризненно пахнет июлем.

Я ещё не хочу замечать
Удивленья заснеженных ягод.
Голова октября горяча,
И покров замечательно мягок.

Но искрится и тает звезда
На ресницах, покрашенных густо...
Стрекозиные крылышки льда
Под ногами ломаются с хрустом.

МИХАИЛ МОИСЕЕВ

Поэт, филолог, организатор культурных событий. Родился в 1973 году.

Публиковался в журналах: «Воздух», «Волга», «Василиск», «Ликбез», в литературном проекте «Вещество» («Камень», «Вода», «Человек»), на евразийском журнальном портале «Мегалит», в альманахах «Речпорт» и «Город Іванів», на сайте «Сетевая словесность» и др.

Вышла книга «Р/анатомия» (2018).

* * *

Узнаёшь поэтов, когда они умирают.
Узнаёшь поэтов, когда они замирают.
Нет, немного ещё посидят на ветке,
Почирикают, поглазеют, поиграют.
А потом улетят. Ну а ты получиай свои
Отметки, ты ищи свои ключи от рая.
Будет берег с волной нарастающей
С каждым часом,
(пробегаю)
Будут вынутые из воды тела-деревья,
Видно, листья на дне остались,
(пробегаю)

Будет колесо велосипеда катиться
Мимо солнца,
(пробегаю)
Мимо песка, мимо пьющего
Нашу радость шмеля,
(пробегаю)
За его гудением возникают
Слова отдалённо, я их узнаю.
Я узнаю, тогда разложу на полках
Среди
Всех моих иллюзий
(пробегаю).

ВИКТОР ІВАНІВ

Виктор Германович Иванов (1977–2015) – поэт, прозаик. Окончил НГУ, кандидат филологических наук (диссертация посвящена поэтике русского авангарда, В. Хлебникову). Работал в научной библиотеке. Автор многих публикаций в журналах и альманахах: «Сибирские огни», «Воздух», «Вавилон» «Черновик», «Транслит», «Светоскоп», «Дети РА» и др., в сборниках «Время Ч», «Черным по белому». Автор 12 книг, изданных в Новосибирске, Твери, Москве, Нью-Йорке. Признан литературоведческим сообществом как теоретик и знаток русского авангарда.

Книги стихов: «Собутыльник сомнамбулы: Поэма» (Новосибирск, 2000), «Стекланный Человек и Зелёная Пластинка» (Москва, 2006), «Дом грузчика: Стихи» (Москва, 2015, диплом премии «Московский счёт»).

В 2018 г. в Новосибирске издан сборник стихотворений, посвящённых В. Іваніву, «Город Іванів».

ДВЕ ПТИЦЫ

Говорят, что человек – две птицы
И одна из них клюёт зерно
А другая смотрит и косится
Не клюёт и смотрит озорно

И во взгляде комнаты кружатся
Голову объемяют зеркала
Пёрышком могли вооружаться
Взятого в грудной аршин угла

И глядит одна весёлым оком
И обманывает червяка
И поёт, поёт и вдруг умолкнет
У отколотого черепка

Только если птичка задохнулась
То другая в небо улетит
Комната над нею распахнулась
Это значит умер ты

* * *

Сорвала сегодня ты красный мак
и теперь он у тебя в волосах
стало жарко садиться в гамак
не забыться тебе в голосах

Солнце голову тебе напекло
и так сладко бы было вздремнуть
согревать в трамвае стекло
на серебряную ложку подуть

К этой ложке горячей ухи
детских грёз уносится рой
расплескала рукою духи
что поделать с этой жарой

* * *

Деда Яша ты помнишь пешечку
Что костяшкой стучит по доске
Я ронял потерял её вешечку
Потерял на флажке

Помню только что в комнатном сумраке
Ты стоял розоватый как слон
И твоей великой республики
Мне приснился прекрасный сон

В этом сне что тебе теперь дремлетя
Что моё я возьму остальное раздам
И деревья колышат деревьица
Мы идём по фашистским гробам

Знамя ровно пока не колыхнется
Ровен воздух последней зари
И камышинке слышится дышится
Как живые летят снегири

ЭЛЬ-КАБАБ

Куришь табак жёлтый листок
Лодочку сделав рукой
А из него не вымолишь сто
Слов про город другой

Тень на стене птица и чёрт
Лампа бросила тень
Кто-то испуганно это прочтёт
А поглядеть – лень

Плавала лодка вниз головой
Берег другой качнув
Только шагни на берег другой
Лодку перевернув

Как закрывались твои глаза
Слов не найдя ста
Ночью на небе была гроза
Лодка пришла пуста

Я на фанерке тебе пишу
Можно ли не называть по имени
И по оловянному грошу
Дарю тебе на солдатиков

Бумажная балеринка я лепёшка твоя оловянная
Положи под каблук моя безымянная
Угадай меня белой тенью матери
Пробежи в ночнушке Динушка
Пробежи

Один кемарил другой санитарил
Третий в шахматы играл
Мы поедем с тобой в планетарий
Где он, Киевский вокзал?

АЛЕКСАНДР ДУРАСОВ

Поэт. Родился в 1979 году. Печатался в журналах: «Речпорт» (Новосибирск, 2015, 2016), «Город Пэ» (Ейск, 2014), «Лава» (Харьков, 2012), «Трамвай» (Новосибирск, 2010), а также в альманахах: «Складчина» (Омск, 2018), «Между» (Новосибирск, 2015) и др.

До 2014 г. печатался и выступал под псевдонимом Александр Простой.

Изданные книги: «Книга снега» (2018), «Воскресенье» (2016), «К планетянам» (2008).

* * *

столбы столбы провода провода
подшит Вьетнам надёжно в книгу снега
стоит в трубе упрямая вода
внутри холодного искрящегося млека

набух январь и ходит вдоль границ
в дугу смиренный человекозаменитель
закоротил отпугиватель птиц
где залпом выпит пятновыводитель

проходим в поликлинику таджик
хурмой нетленной приторговывает молча
на улице Кропоткина лежит
неделю всю волосяная порча

нейди нейди мой заповедный брат
сюда на рельсы рельсы шпалы шпалы
здесь хорошо укрыт вишнёвый сад
по следу ехал поезд запоздалый

светлым-светло как болевой приём
в глухой стране водонапорных башен
земное сотворяется втроём
а белый свет в незримое окрашен

* * *

и не было ничего грандиознее чем эта сияющая пустота
но и не было ничего ужаснее чем эта сияющая пустота
потому что всё закончилось и ничего не обнаружилось
кроме осознания существования вне сияющей пустоты

здесь можно подумать что пустота не бывает сияющей
так как если она сияет то должен быть некий источник
и следовательно это сияющее нечто однако не пустота
а как минимум что-то материальное которое так сияет

но в том-то всё и дело что как ни рассуждай логически
это вообще ничего не даёт и автор даже не настаивает
что не было ничего грандиознее этой сияющей пустоты
но что и не было ничего ужаснее этой сияющей пустоты

автор полноправно считает что делать на этом акцент
это всё равно что любить солёные китайские конфеты
находясь в шоколадной лавке среди детей и животных
воровато насыщаясь пока кругом все радостно против

ПАВЕЛ КУРАВСКИЙ

Куравский Павел Владимирович – поэт, журналист. Родился в 1979 году в Новосибирске. В 2002 г. окончил НГУ, факультет журналистики (диплом по Сергею Довлатову). Работал на радио: «Европа Плюс», «Русское радио», «Радио Свобода», «Дорожное радио». В 2010–2016 гг. жил и работал в Москве.

Публиковался в журналах, альманахах, сборниках: «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Дарьял», «Культура Алтая», «После 12», «Голос эпохи», «Термитник поэзии», «Тайна исповеди», «Город поэтов» и др.

Издатель поэтического альманаха «Вестник Марафона» – по итогам новосибирского поэтического марафона «Дыхание третьего тысячелетия – 2017».

В 2004 г. издал сборник стихов «Зимний круг».

Лёд потемнел на озере, и, значит,
Процесс весны необратимо начат.
У рыбаков окрестных незадача:
Идти по дальним лункам, не идти?
Песка в снегу протаял чёрный клавиш,
А лёд – прочней, его так не расплавишь,

Но всё ж терпи теперь, рыбак-товарищ,
До первомайских праздничных путин.

Лёд потемнел и вымок весь, и это
Средь прочих равных – веская примета
Того, что с нами вновь случится лето,
И мы с тобою в озеро войдём;
А выйдя, окружаемые пляжем,
Мы в жёлтый пляж не просто ляжем – вяжем
Так накрепко, чтобы и осень даже
Не подняла, покуда мы вдвоём!

Над озером гигантский птеродактиль
С крылом костистым – кран стоит на шахте.
Такого вы не лайкните «ВКонтакте»,
Ему – иконой, а не фоткой быть!
Он – пан земли, он – идол пляжей местных,
Он – Бог любви и рыбаков окрестных.
Лёд потемнел в тени его и треснул,
И, умирая, завещал: любить!

ВИТАЛИЙ ШАТОВКИН

Поэт. Родился в 1982 году в городе Большой Камень Приморского края. В 2005 г. окончил НГПУ (Новосибирский государственный педагогический университет) по специальности «Психология и педагогика». Неоднократно менял места жительства: Челябинск, Санкт-Петербург, Москва, Владивосток, Екатеринбург. В настоящее время проживает в Новосибирске.

Публикации: «Ликбез», «После 12». Готовится к выходу книга стихов «33»

/СНЕГОВИК/

Катается во рту снеговика молчание и обрастает понемногу: то тяжестью воды из рудника, где в алюминиевых шарах растёт хрусталь, то конусообразной

тишиной – зрочка

сумбурного оптической треногой – разметившей протоптанный асфальт. И скудный слепок с облака – печаль, из непробудных снов и мыльных взвесей,

плывущих сквозь

расщелины в душе – ты смотришь, взгляд
прикрывши цифрой десять, как день
уходит молча в поднебесье, а
тень по кругу пляшет

в неглиже.

/ДВОЙНИК/

Любое зеркало – футляр родства, между зрачком
и силой Архимеда: заложенная за подклад
полтина – не в голос – про себя –
бубнит до ста, считая

стриженных,

безоблачных овец и в отражении – через раструб
пуповины, из серебра – рождается близнец.
Накормленный, раскрашенный, но
плоский – переводных

картинок

вернисаж – ты только скажешь слово –
он по-свойски, кивнёт в ответ: и
то ли чувством сноски, то
ли лицом твоим

заполнится
мираж.

АНТОН МЕТЕЛЬКОВ

Родился в 1984 году. Поэт, организатор литературной Студии 312, литературного семинара «Третья столица», куратор культурной программы международного фестиваля «Книжная Сибирь» Редактор культурного путеводителя «Речпорт».

Публиковался в журналах: «Арион», «Волга», «Урал», «Сибирские огни», «День и ночь», «После 12» и др. Стихи представлены в «Антологии современной русской поэзии» (Китай).

Книги стихов: «Футляр» (2016), «Ножички» (2019), «Псалом» (2019).

* * *

нас лето словит на весну
словариком простым и праздным:
побудь со мной, хмельным и грязным
бычком качаясь на плаву

бычком качаясь на плаву
лучом вечерним истончаясь
продребезжав стаканом чая
заваривая в нём листву

заваривая в нём листву
со сладким ароматом тленья
а жизнь могла бы быть горенье
а смерть бывает наяву

а смерть бывает наяву
и человек засыпая
продребезжав стаканом чая
уходит в вечную листву

* * *

зебры-зебры, вы берёзы?
мы берёзы, да-да-да!
мы покинули колхозы
улетели навсегда!

зебры-зебры, что вам снится?
корка хлеба в облаках
снежный иней на ресницах
и есенина строка

* * *

Нине Садур

тёмные тёплые листья
спрячут от взглядов чужих
окна на сад металлистов
окна на прошлую жизнь

девочка в платье с цветами
гладит в парадной кота

все мы давно кем-то стали
только она ещё там
в платье, где маки – горячем
где васильки – холодней
плакала. больше не плачет
вот уже несколько дней

* * *

льётся с неба лунный свет
объ стянуло рукавами
дочь проснётся со словами:
расскажи о рождестве

свет впадает в каждый дом
подо льдом замёрзли рыбки
дочка спросит: от улыбки
им теплее подо льдом?

улыбнётся как во сне
ей одной понятной шутке
что сказать такой малютке
если всюду этот свет?

если ночь – уже не ночь
если сами мы – как дети
новорожденной планете
уподоблены точь-в-точь

если всё на этом свете –
для тебя
и дремлет дочь

над пропастью как в прописи
неровною строфой
подставив ветру лопасти
гуляли мы с тобой

ах лопасти те хлопасти
то две простых горсти
для храбрости для робости
чтоб больше не грустить

ЛЕЛЯ СЕРЕБРЯНАЯ

Леля Серебряная (Ольга Дмитриева), поэтесса. Родилась в Минусинске в 1981 году. Жила в Хакасии, в Черногорске, работала редактором в издательстве Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Организатор известного литературного клуба «Серебряный кот».

Ныне живёт в Новосибирске. Публикации: «45-я параллель», «Топос», «Сибирские огни», «Литературная Россия» и пр.

Книги: «Можжевёловое» (1999), «Кофе в степи» (2011), «Снежная королева» (2011).

* * *

От молочной реки – на устах синеватая корка.
От кисельного берега – чуть сладкий мой русский язык.
Отчий дым в небеси, деда Миши сухая махорка.
Он примеривал жизнь. Оказалось, что вырос, – впритык.

Фронтальная гармонь. Сенцы настезь, а может – и сердце...
Вечеру на сирень городскую ходили смотреть.
Воробьями усыпаны были скамьи, словно перцем.
И чихал старый кот, удаляясь в закатную медь.

У бессонницы, друг, всё богаче словарный запас год от года.
Имена у потерь занимают немой алфавит.
На тебя, на меня в этом времени кончится мода...
Хорошо, что сирень, воробьи. Хорошо, что болит.

* * *

Лошадка была деревянной,
Качалась под баюшки-бай...
Избёнка прабабушки Анны
– Пустая земля – принимай!

Я стану польню и прахом,
Последним твоим сорняком.
Река – расторопная пряжа,
Русальей дерюгой укрой.

Душа нелегка да былинна –
В цыганский не сныкать платок.
Где лягу, посадят калину
И горечи выпьют глоток.

ИРИНА КУРТМАЗОВА

Куртмазова Ирина Александровна – поэтесса, переводчик. Родилась в 1982 году в г. Актюбинске (ныне – Актобе).

Участница литературных форумов и форумов переводчиков с языков народов РФ.

Публикации: «Литературная газета», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Пролог», «Нана», «Вайнах», «Дарьял», «Здравствуй – это я!», «Любови мимолётное чудо», «Новые писатели, «Антология» (г. Оренбург) и др.

Автор двух поэтических книг: «Тоскующая полынь» (2011), «Твоя пресамая» (2014).

уснули сны у изголовья
зимовья перебитых псов
где бредит вечною любовью
любовь не видящая снов
основ непрочная основа
порочная игра всесил
спи и не вымолви ни слова
ни стога не произнеси

позёмка по земле змеится
и ночь кривит беззвёздный рот
а нам никак не распроститься

у разминувшихся дорог
и мировой волчок не дремлет
вот-вот укусит за бочок
здесь нечто подревнее древней
любви с любовью сводит счёт

а надо всем этим – Всеспящий
превыше неземной зимы
сны видит о ненастоящем
далёком мире где есть мы
там снящаяся человеку
земля лежит в перине войн
и из-под век стекают реки
и вздрагивают его веки
и мир дрожит над головой

СЕРГЕЙ ШУБА

Поэт. Родился в 1983 году в Курган-Тюбе (Таджикистан). В 2005 г. окончил Ростовский государственный строительный университет. С 2007 г. живёт в Новосибирске. Работал дорожным рабочим, начальником ПТО, дворником, кровельщиком, пекарем, оператором по уходу за животными.

Публиковался в литературном альманахе «Ликбез», журналах: «Номо Legens», «Textonly», «Волга», «Урал», «Топос»,

«Артикуляция», «Плавучий мост», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Подъём», «Новая реальность», интернет-сообществе «Полутона».

Книги: «Кому я вру» (2017), «Где был феникс» (2019).

* * *

Покажи мне где его стихи
Камешком забитые слова
Где там отпечталось прости
Где там нацарапано едва

Там где тюль и там где полутень
Переводы из долины лет
Где гремит шкатулкой целый день
Со двора зашедший Пересвет

Тут гора и тут же агора
Тут слеза и тут же егоза
Убежала из какого табора
Тычет мне бумажкой в глаза

* * *

Дети правда тебя отпускали одну
целовать вскипающий дождь
а сами шагали с волны на волну
и ждали пока придёшь

Коровы с мёртвыми говорят
кошки играют с землёй
спать захочешь вступиай в отряд
Возвращайся мокрой травой

Кто тебя видит чайка да кость
что омыта белым-бела
первым всегда приходит гость
стучит по краю стола

Ему сподятся детство и сны
остальное на память пускай
Качается ветка стынут блины
и дождь капает в чай

ВИТАЛИЙ КРАСНЫЙ

Поэт. Родился в 1984 году на Дальнем Востоке, в посёлке Лососина. В 13 лет переехал в Новосибирск, где окончил педагогический колледж по специальности «учитель истории». Работал звукооператором и осветителем в театре.

Публикации: «Ликбез», сайты.

* * *

Мы во вселенной не одни:
из тысячи миров
нам дан зелёный рай земли
и небо синих снов,

а есть другие небеса,
иных цветов закат –
там чьи-то нежные глаза
ответный ловят взгляд;

в весенних зарослях травы
оттаивает лёд;
там тоже кто-то кем-то был,
кого-то кто-то ждёт.

В глубинах космоса живут
похожие на нас,
мы их узнаем, как-нибудь,
опять не в первый раз...

* * *

доведи себя до точки
до последней капли мелкой
у начала горизонта
неизвестного пейзажа
посмотри как всё танцует
как оно всё вдруг понятно
ты уйдёшь из этой точки,
а оно всё так же пляшет

ЕКАТЕРИНА ГИЛЁВА

Гилёва Екатерина Валерьевна – поэтесса, журналист, филолог, драматург.

Родилась в 1985 году. Окончила Новосибирский государственный технический университет. Кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета и Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики. Публиковалась в журналах: «LICHTUNGEN», «Дальний Восток», «Ликбез», «Новосибирск». Произведения переводились на немецкий, украинский и монгольский языки. До 2015 г. публиковалась под именем Екатерина Климакова.

Книги: «Вальс русской осени» (2005), «Промзона» (2013), «Желтые вертолеты» (2019) и др.

* * *

Если ты ловил кого-то вечером во ржи...

Если любишь только книги и карандаши,
Нарисуй барашка, травку и ещё цветы,
Небо – ясным, солнце – ярким, кладбище – пустым.

Домик нарисуй с крылечком, кошку у крыльца.
В доме – бабушку и печку, и ещё – отца.

Нарисуй собаку в будке, яблоню в саду
И в сторонке, над обрывом – красную звезду.

Пусть висит за ради правды, мол, не вечно жить.
Хороши в саду цветочки, ах, как хороши!
«Домик...» – так давно не пишут! Смейся да смейся!

...Если ты ловил кого-то вечером во ржи...

ИВАН ПОЛТОРАЦКИЙ

Поэт. Родился в Алма-Ате в 1988 году. Работает в Институте филологии СО РАН.

Стихи публиковались в журналах: «Аполлинарий», «Сибирские огни», «Знамя», «Шо» и «Ышшо одын». Основатель и участник театра звука «Открытие порта».

Живёт в лесу под Новосибирском.

Сборники стихов «Ангелолог» (2009), «ЕлМ-ай» (2014), «Четыре фигуры» (2017) и др.

Мне кажется,
Сегодня тридцать первый.
Мне сорок три.
Я червь. Я возмужал.

И только что,
распластывая нервы,
я облаком над городом лежал.
Холмам его
и линиям внимая,
я видел ниточку вчерашнего пути –
она как след от красного трамвая
горит на воздухе,
отпугивая птиц.

(карандашом вычёркивая время,
выходишь между делом за поля –
случайной фразы щучее веленье
ведёт туда, где круглая земля).

Я вымыл яблоко и положил на блюдо
и далее (ручаюсь головой)
увидел вас счастливыми отсюда
и каждый кто
светился как живой.

(я относился к этому же чуду –
семнадцатый выходит из огня –
конь искупленья будущих народов,
пришедших океан искоренять).

Кто легче радужки и лёгкого острее
толкает маятник недрогнувшим крылом –
я видел сон: в стальной оранжерее
пылает солнце брошенным стеклом,
и видит бог – есть музыка в просвете,
правее пустяковых пирамид.

(срезая верхний слой земли заметишь,
как сердце времени и бьётся и горит
и движет небо
в тесной синей коже).

Звезда звенит,
но высказать не может,
как нужен сын
цветам её и травам,
и солнце наливает молоком
грудь чёрной женщины,
что с самого утра вам
поёт о нежности
последним языком.

Я возвращён в свой лес многоочитый,
где соечки засели между глаз,
где ты, мой друг, мой ласковый учитель,
стучишь по дереву, выискивая нас.
Берёз звенящие
(прозрачные) ключицы
возносятся
в прохладной извести
и ничего здесь
с нами не случится –

на свет ни слова не произвести.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1993 году в Чулыме, живёт в Новосибирске. В 2015 г. окончил Гуманитарный институт НГУ по специальности «филология, школьный учитель». Публиковался в альманахах «Ликбез» (Петербург) и «Между» (Новосибирск), журналах «После 12» (Кемерово), «Речпорт» (Новосибирск).

Автор поэтических книг «Juvenilia» (2015), «Определённая форма» (2017).

сонет

представь что мы две мухи в янтаре
застывшие фасетками друг к другу
на расстояньи вытянутых лапок

калейдоскоп любимого лица
стирается от пристального взора

но не завять и от любви не вздрогнуть

* * *

мозг ещё окутанный дремотой
шёпот перестука кастаньет

*восприятие вещи как звука
восприятие звука как вещи*

трогать
шёпот косы родинку висок
не стыдиться
запоминать запах
не стыдиться
вспоминать запах

танцевать фламенко семи простыней
петь в унисон с тишиной
(что удивительно) не фальшивить
пробовать воздух на вкус
поперхнуться разлитой любовью

обрести определённую форму

КРИСТИНА КАРМАЛИТА

Драматург, поэтесса, фотограф.
Родилась в 1984 году. Окончила факультет психологии НГПУ, сценарный факультет ВГИК (магистратура). Организатор поэтических и драматургических мероприятий Новосибирска.

Публиковалась в журналах: «Сибирские огни», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «После 12», «Алтай», «Огни над Бией», «Бельские просторы», в газетах и сборниках.

* * *

Не оставляй меня одну
Наедине с моими снами –
Большими влажными глазами
Они влекут к ночному дну.

Я ухожу на глубину.
Бездонней, чем рука Господня,
Полночных крыльев преисподняя
Вздымает чёрную волну –

Я в этом призраке тону.
Нет берега в реке подземной,
Но ты, парящий и неземный,
Не оставляй меня одну.

* * *

как будто не было меня
и день погожий к ночи клонит
и небо ночь огнями полнит
и манит свет иного дня

как будто не было меня
и на тринадцатом трамвае
толпа к восходу уезжает
и возвращается – к теням

как будто не было меня
и на работе, на работе
кто под землёю, кто в полёте –
дыханье, голоса, возня

как будто не было меня
и вечер обнажит надежду
что всё отжившее «как прежде»
наступит утро поменять

как будто не было меня
и день усталый к ночи склонит
и разгорятся миллиарды
огней. Но не дадут огня

как будто не было меня

* * *

отрыдают любые печали
опрокинется счастья стакан

на коротком, прощальном причале
повстречает худой капитан

небольшой, но надёжный корабль
обрисует последний предел
пусть бы, Господи, только журавль
над моей головою летел.

* * *

Никитиной с приветом

вот ночь сгорает на столе
вот капает вода
вот входит путник на осле
в слепые города

вот ночь крепка твоя рука
глаза твои яркие
горят как лампа маяка
на берегу реки

вот ночь на берегу реки
вот вся земля – река
плывут ночные мотыльки
на лампу маяка

вот ночь вот капает вода
вот путник на осле
идёт сквозь годы города
сквозь капли на весле

вот ночь на корабле весла
вот капли на столе
вот вся земля в спине осла
усталостью в седле

вот ночь светлы твои глаза
темна твоя спина
как волос на хребте осла
как смуты стремена

вот ночь садятся мотыльки
на берег у костра
вот сходит путник у реки
с летящего весла

вот ночь вот звёзды далеки
как мысли моряка
дрожат бескровны и легки
как крылья мотылька

вот ночь вот лампа на столе
вот путника рука
по всей земле по всей земле
приветом маяка

ВЛАДИМИР ЯРЦЕВ

Ярцев Владимир Иванович (1945-2019). Окончил НГПИ (НГПУ). Преподавал в сельской школе. Работал газетным корреспондентом, редактором в Сибирском отделении издательства «Детская литература», архивариусом, публиковался в «Гнезде поэтов» (1989), в журналах «Юность», «Сибирские огни» и др.

Признание к В. Ярцеву пришло достаточно поздно: его лирика, вновь обращаясь к классической традиции русской поэзии, была по достоинству оценена лишь в начале XXI века. Автор книг «Грустная память». (1993), «Над темной водой» (2005), «Ожидание в сумерках» (2014).

СТАНСЫ

Безмолвию я предпочту молчанье,
Прохладе горней — дольний холодок
...Вас время оправдает, угличане,
Но мир не станет менее жесток.

Жизнь сузилась. Сквозь смотровую щель
Доступен лишь сегмент июльской воли,
Где первобытный освящает шмель
Не минное, но клеверное поле.

Далекие клубятся облака,
Их глубину зарница прорицает.
Дитя не спит. И матери рука
Звездой на лбу младенческом мерцает.

Ничем печали этой не унять,
Беззвучен миг прощания со Словом.
Да! — не забудьте плакальщиц нанять
В сиреновом, под цвет...

* * *

Перед тем как уйти,
Запотевшие стекла протру —
Поутру ощути
Переменного света игру.

Выйди в страждущий сад
И к дичку невзначай прикоснись,
Как слепец, наугад, —
И смутится небесная высь.
Ближе к полдню, гляди,
Заморочена голубизна...
Тесно станет в груди.
Так бывает во все времена.

Древний, как мезозой,
Цепенеет над яблоней зной.
...Перед скорой грозой
Воздух плавится не надо мной.

Стихи были опубликованы в журнале «Сибирские они»

* * *

Ещё кочует лодочка моя
По голубым просторам бытия.

Рукам послушно лёгкое весло
И против волн грести не тяжело.

Далёк ещё тот неизбежный мыс,
Что где-то на пути моём навис.

Ещё он недоступен зрению сам.
Но тень его! Но тень по вечерам...

Стихотворение с сайта <https://www.stihi.ru>.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕЛИЗАВЕТА СТЮАРТ	13
Романс	13
«Бывает – рощи, золотые словно...»	14
«Гонят стадо утром ранним...»	15
Ночная берёза	15
«Бессонница – нелёгкая наука...»	16
«Светет тихий»	17
«Одинокая утка летит над ночным водоёмом...»	17
АЛЕКСАНДР СМЕРДОВ	18
«Далёкая, если б я мог...»	19
«О грибной и ягодной забыв корысти...»	19
ИВАН ВЕТЛУГИН	20
«Ещё безмолвную, сквозную...»	20
ИВАН КРАСНОВ	21
У старого учителя	22
ЮРИЙ МАГАЛИФ	23
«Моя бабка Федосья Трофимовна...»	24
Мой дом высоко над долиной Ини	26
КАЗИМИР ЛИСОВСКИЙ	26
В пути	27
АЛЕКСАНДР РОМАНОВ	28
«Последний голос прозвучал...»	28
ЛЕОНИД РЕШЕТНИКОВ	30
Мыс Херсонес	30
«Эти древние камни – ровесники звёздной вселенной...»	30
НИНЕЛЬ СОЗИНОВА	32
Банальный сонет	32

АЛЕКСАНДР КУХНО	33
«Ах, какие у нас метели...»	34
«Ой вы, белые, птицы гордые...»	35
«Куда летишь, мой друг неверный...»	35
«Это ж чудо из всех чудес...»	38
Корвет	40
«Хорошо шагать отавами...»	42
АЛЕКСАНДР ПЛИТЧЕНКО	44
Вышивание	44
«Зеркало в избе...»	45
«Кто напророчил годину лихую?...»	46
«...И не знаю, что случилось со мной...»	47
«Высокий дым тебя не повторит...»	49
ГЕННАДИЙ КАРПУНИН	50
Синильга	50
Метеоритный лес	51
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	52
«В деревянном старом доме...»	53
XX век	54
«В памяти застрял светло и немо...»	55
Белуха	57
Старинный вальс	58
ПЕРЕВОДЫ	59
Франсуа Вийон Баллада на поэтическом состязании в Блуа	59
Су Ши Предутренняя дума	60
ЕВГЕНИЙ МАРТЫШЕВ	61
«Куда ни забреду, в любое время года...»	62
Облепиховый берег	63
«Как славна природа почти на исходе весны...»	64
НЕЛЛИ ЗАКУСИНА	66

«Не знаю, правильно ль ушла?...»	66
НАДЕЖДА ПУЗЫРЕВСКАЯ	67
«Был у отца за городом участок...»	68
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ	69
«Араукария в саду...»	69
ЛЕОНИД ОВЧИННИКОВ	71
Забывтый терновник	71
«Благодать последнего тепла...»	72
ЖАННА ЗЫРЯНОВА	73
«Когда луна бывает половинной...»	73
АНАТОЛИЙ МАКОВСКИЙ	74
Ноктюрн	75
Окурок	75
Грозный	76
«Жизнь моя в каком-то сизом свете...»	76
ИВАН ОВЧИННИКОВ	77
Первые годы в Новосибирске	78
«Куда ушли армянки молодые?...»	78
«Делается вечер и темно становится...»	78
«Стараюсь не думать о том, что придёт...»	79
Подражание китайцам	80
НИКОЛАЙ ШИПИЛОВ	80
Слепой	81
Пехота	82
Золотая моя	83
Крест. 1948 г.	84
Вознесение Господне	86
АЛЕКСАНДР ДЕНИСЕНКО	87
«Отчего в этом доме светло...»	87

«За деревней, в цветах, лебеде и крапиве...»	89
«К ночи верхом на деревьях с улыбкой проскачут...»	91
снег снег снег снег снег снег снег снег	92
Красавица	93
«это кажется метель пурга...»	94
АНАТОЛИЙ СОКОЛОВ	95
«Мы, караули Бога, пытались себя прочитать...»	95
ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ	97
«Не сочиняй, не придумывай, просто смотри...»	97
Преображенье	98
«На веранде дома деревянного,...»	99
АЛЕКСАНДР ПИМЕНОВ	100
«Да был ли корабль? – не только как символ стихов...»	101
Старинный романс	102
Колумбов орех	103
Провинциальные рефлексии	105
«Этот день меня снова толкает к обмену, обману...»	106
«Мы умрём на базаре, где дорого и многолюдно...»	107
АЛЕКСАНДР АХАВЬЕВ	108
Песня о Саше Чёрном	108
ДМИТРИЙ РЯБОВ	110
«Не прислоняйтесь к девушкам в метро...»	111
НИКОЛАЙ МЯСНИКОВ	112
«Есть длинный монолог, но он не – мой...»	113
ОЛЕГ ВОЛОВ	113
Бессонница	114
«пляска дисгармоний, суета бумаг...»	114
ЕЛЕНА РУСАК	114
«Яркой тени наскальная проза...»	115

ЕВГЕНИЙ МИНИЯРОВ	116
«В деревянном городе мы жили...»	116
«вот откроется ореховая шкатулка...»	117
«Халимдаров вошёл в ворота...»	118
Баллада	119
весть	121
МАРТИН МЕЛОДЬЕВ	122
«Вот оно, искусственное море...»	123
«В том старом парке, в старом парке...»	123
«Прохладный, как зелёная казарма...»	124
ВЛАДИМИР НАЗАНСКИЙ	125
Поздним вечером по старому Томску	126
«Город знакомых лиц...»	126
«Всё чугуннее звук нарастает колёс...»	127
«В своих скитаниях земных...»	128
ВЛАДИМИР СВЕТЛОСАНОВ	129
Солотча	129
«Естественная речь – её лишь только надо...»	130
«Крымских ночей крепостные певицы, цикады...»	130
Молитва	131
МИХАИЛ ДРОЗДОВИЧ	132
«кто уезжает бог судья...»	132
АНДРЕЙ ЩЕТНИКОВ	133
Новый сад	134
Эстамп № 1	134
БОРИС ГРИНБЕРГ	135
Триптих	136
ЮРИЙ БЕРНАДСКИЙ	137
Плакун-трава	137

Первоцвет	139
Полевик	141
СТАНИСЛАВ МИХАЙЛОВ	144
«Устаю глядеть на небо серое...»	144
«Мне твои брови не нравятся – узкие, злые...»	145
ЮЛИЯ ПИВОВАРОВА	147
«Это небо ночное в снегу...»	147
«А ну давай, читай письмо пустое...»	148
Романс	148
ЛАДА ПУЗЫРЕВСКАЯ	149
этот город мне нужен	150
иероглиф	151
тёмный лес	152
ИГОРЬ СИЛАНТЬЕВ	153
«Ночью по дереву рыба летит...»	153
«Подожди минутку. Я сейчас вернусь...»	154
АНДРЕЙ ЖДАНОВ	155
«Тамбов, Тобольск...»	155
АНДРЕЙ ВЕРХОВ	156
«ах механик ты механик...»	157
«сия катерина прекрасна...»	157
ПЁТР МАТЮКОВ	158
«А парашют раскрылся под землёй...»	158
АЛЕКСЕЙ ЕРОШИН	159
Полночь. XXI век	160
МАРИЯ ДУБИКОВСКАЯ	161
Я совсем не готова к зиме	162
МИХАИЛ МОИСЕЕВ	163
«Узнаёшь поэтов, когда они умирают...»	163

ВИКТОР ІВАНІВ	164
Две птицы	165
«Сорвала сегодня ты красный мак...»	166
«Деда Яша ты помнишь пешечку...»	166
Эль-Кабаб	167
«Я на фанерке тебе пишу...»	168
АЛЕКСАНДР ДУРАСОВ	168
«столбы столбы провода провода...»	169
«и не было ничего грандиознее чем эта сияющая пустота...»	170
ПАВЕЛ КУРАВСКИЙ	171
«Лёд потемнел на озере, и, значит...»	171
ВИТАЛИЙ ШАТОВКИН.	173
/Снеговик/	173
/Двойник/	174
АНТОН МЕТЕЛЬКОВ	175
«нас лето словит на весну...»	175
«зебры-зебры, вы берёзы?...»	176
«тёмные тёплые листья...»	176
«льётся с неба лунный свет...»	177
«над пропастью как в прописи...»	178
ЛЕЛЯ СЕРЕБРЯНАЯ	178
«От молочной реки – на устах синеватая корка...»	179
«Лошадка была деревянной...»	179
ИРИНА КУРТМАЗОВА	180
«уснули сны у изголовья...»	180
СЕРГЕЙ ШУБА.	181
«Покажи мне где его стихи...»	182
«Дети правда тебя отпустили одну...»	182
ВИТАЛИЙ КРАСНЫЙ	183

«Мы во вселенной не одни...»	183
«дове́ди себя до точки...»	184
ЕКАТЕРИНА ГИЛЁВА	185
«Если ты ловил кого-то вечером во ржи...»	185
ИВАН ПОЛТОРАЦКИЙ	186
«Мне кажется...»	186
СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ	189
сонет	189
«мозг ещё окутанный дремотой...»	190
КРИСТИНА КАРМАЛИТА	191
«Не оставляй меня одну...»	191
«как будто не было меня...»	192
«отрывают любые печали...»	192
«вот ночь сгорает на столе...»	193
ВЛАДИМИР ЯРЦЕВ	195
СТАНСЫ	195
«Перед тем как уйти...»	196
«Ещё кочует лодочка моя...»	197

ОСТРОВ
Антология новосибирской поэзии
154 стихотворения

Дизайн и вёрстка
Сергей Китов

Корректор
Татьяна Чернова

Формат: 70×100 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
8,97 усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Зак. №
Центр творчества «Беловодье»

Издательство
E-mail: belovodje@rambler.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
в ООО Производственная фирма «Полиграф-Периодика»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3

